

Татьяна Туринская

БОГ НАКАЗЫВАЕТ ИНАЧЕ

Глава 1

27 мая, суббота

Вертеть головой не было сил, а потому Полина просто откинулась на спинку сиденья и смотрела прямо перед собой. За два месяца гастролей она безумно соскучилась по дому, но усталость брала свое. Ничего, она еще успеет налюбоваться и стройностью тополей, и ночными огнями, ненавязчиво подсвечивающими главные архитектурные ценности столицы, и самой Москвой, такой похожей и одновременно непохожей на австралийские города. Старая Москва не сравнится ни с одним городом мира — это Полина знала точно, благо было с чем сравнивать.

Где только она за свою жизнь не побывала. Можно сказать, все континенты побаловала своим присутствием, кроме разве что Антарктиды. Да и то лишь потому, что пингвины творчество ансамбля «Рябинушка» не оценили бы по достоинству. Разве только немногих полярных исследователей побаловать, какой-нибудь выездной концертик

организовать, да руководство, к счастью, вряд ли до этого додумается. Не столько даже из любви и сердобольности к артистам, просто не построили еще во льдах Антарктиды ни одного приличного зала.

До последнего времени из континентов «неосвоенной» оставалась только Австралия, но теперь уже и она оказалась в послужном списке артистов «Рябинушки». Сидней, Мельбурн, Канберра, Ньюкасл, Рокхэмптон, Таунсвилль — вся география сплелась в тугий узел, все смешалось. Прибрежные города, порты во всем мире похожи друг на друга, словно близнецы-братья. Нет, конечно же, каждый город имел что-то свое, особенное, почти личное, но похожестей все-таки было больше, нежели различий. Вот разве что Мельбурн с Сиднеем выпадали из общей картинки. Мегалополисы со своей суматошной, если не сказать сумасшедшей жизнью, как два центра вселенной на одном материке. Но и они по большому счету не слишком-то отличались от остальных городов хоть Австралии, хоть Америки, хоть Европы. Заберись чуток в сторону от центра, и никогда в жизни не догадаешься, в какой части света находишься. Коробки, коробки, коробки...

Вот и сейчас вокруг Полины мелькали одни коробки. Так стоило ли вертеть головой? Тем более после такого тяжелого перелета. Плюс разница во

времени, да что там во времени? Какому нормальному человеку доведется вот так, за здорово живешь, скакануть из одного времени года в другое? Сначала из весны в осень, потом практически из зимы в лето. Правда, австралийская зима — не чета нашей, и тем не менее. Еще вчера, вылетая из Сиднея, Полина вполне уютно и комфортно чувствовала себя в любимой кожаной куртке, а сегодня, уже в Москве, пришлось тащить ее в руках, и без того занятых чемоданами. Потому что май московский и австралийский, оказывается, совершенно разные вещи.

Такси притормозило у подъезда. Полина уже представила, как будет нежиться в теплой ванне, вытянув, наконец-то, усталые от долгого сидения ноги. Но сначала нужно было втащить багаж в узкие двери подъезда. Чемоданы хоть и удобные, на колесиках, с регулируемой по высоте ручкой, но если их два, да еще куртка постоянно слетает с руки, а двери спешат захлопнуться поскорее...

В общем, грохоту в спящий дом своим появлением Полина внесла немало, перепугав заснувшую на посту консьержку тетю Наташу. Та выскочила из дежурки взлохмаченная, моргала заспанными глазами:

— Кто шумит? Чего надо?

Полине было не до этой сонной клуши, ей бы с дверью справиться — надо же, какую пружину

тугую поставили, когда только успели? Не оглядываясь, успокоила охранницу:

— Свои, тетя Наташ, не волнуйтесь.

И протиснула, наконец, второй чемодан сквозь узкую щель капризной двери. Поправила куртку на плече, повернулась:

— Свои, тетя Наташ, не узнали?

Консьержка, услышав знакомый голос, успокоилась. Потерла глаза, наводя фокус, пригляделась. Узнав, улыбнулась:

— Ох, Полинушка, богатая будешь! И правда не узнала. Да и немудрено: нечастая ты гостья дома. Откуда на сей раз?

— Из Австралии. Ой, тетя Наташ, давайте потом, а? Все вопросы потом, завтра. Устала ужасно...

Полина прошла к лифту, волоча за собой проклятые чемоданы.

— Ну иди, голубушка, иди, — прошамкала ей вслед консьержка, и убралась в свою каморку.

Можно подумать, она сама не устала. Ей-то что, той Полине? Ей хорошо! Мотается по белу свету, по разным городам. Танцует она, видите ли. Да еще и деньжищи за это какие отхватывает. Ишь, устала! Устанешь от такой жизни, как же. Вот посидела бы круглосуточно на скрипучем топчане, повглядывалась бы в лица — свои ль идут, чужие? Вот тогда б поняла, какая она, настоящая усталость.

Когда жизнь проходит не в шикарных гостиницах, не в иностранных самолетах, где тебе на тарелочке с золотой каемочкой покушать поднесут икорки красной, да балычка. Ишь, устала! Посидела б тут, милая, отдохнула. Когда жизнь практически проходит на виду у прохожих. Тут и кушать приходится на виду, и полежать когда, отдохнуть — тоже под придирчивыми людскими взглядами. Разве что в туалет и позволишь себе домой сбегать на пять минут, вот и все тебе одиночество. Устала она!..

Тетя Наташа прилегла, с наслаждением вытянув отекавшие ноги со вспухшими кривыми узлами вен, и попыталась снова провалиться в сон. Спать, скорее спать. Полчетвертого уж, сколько той ночи осталось? Через полтора часа Надворный пойдет, разбудит. Надо ж, как с фамилией человеку подфартило. Надворный он и есть Надворный. Ему б на дворе жить, а не в квартире. Вот чего, скажите, мужику не хватает? Трехкомнатная квартира, жена, сын взрослый, хорошая пенсия — живи да радуйся. Нет же, его все на помойки тянет, аки бомжа какого. Ведь изо дня в день, без выходных, как штык — в пять утра выходит из дому, чтоб первым на помойки успеть. Хоть лето на дворе, хоть зима. Хоть вьюга лютая — нет, ему все одно на помойку надо. Весь дом хламом забил. Жена наемни жаловалась — даже в гараже уже места не осталось,

до машины из-за тюков с тряпками не доберешься. А он все тащит и тащит, окаянный. Принесет гору тряпок, перестирает тщательно, и в мешок. Ох, и странный мужик. Вот тебе и фамилия.

Сон не шел. Тетя Наташа перевернулась на другой бок. Пружина больно впилась в старое тело. Ах ты! — дернулась консьержка. Да что ж такое! Спать же надо, а не получается. Чего она завелась с Надворным этим? Эх, Полинка-Полинка, надо ж было так не вовремя приехать. И сердиться-то на нее нельзя, девка ж дома появляется несколько раз в году, но почему же непременно ночью, почему именно на ее смене?

Тетя Наташа села. Нет, чего-то не так. Где-то что-то муляло, а где — и сама понять не могла. Вот как будто комар пищит, спать не дает, отвлекает своим писком. Но ведь писка-то никакого и нет, никто ведь не мешает. А все одно что-то муляет. Что-то она вроде должна была сделать. Или сказать что-то. Да, что-то сказать. Надворному. Ага, чтоб прекратил, старый дурак, по помойкам таскаться, да дежурных будить ни свет ни заря. Нет, не то. Не Надворному. Этому пускай жена все слова говорит, а дежурным деньги платят за то, чтоб не спали на посту.

— Ах ты ж Боже ж мой же ж! — спохватилась тетя Наташа. — Да как же я забыла?! Ах ты, бедная девочка!

Старушка быстро, насколько позволяли больные ноги, выскочила из дежурки, закрыла дверь на ключ — на всякий случай! — и пошелестела тапочками к лифту. Кнопка вызова загорелась, и тот, разбуженный, недовольно заурчал где-то вверху.

Едва разувшись, Полина бросила чемоданы в прихожей и босиком прошла в ванную. Первым делом проверила наличие горячей воды — ох уж эти ежегодные испытания сетей. Только бы не отключили, иначе все мечты о настоящем отдыхе пойдут прахом. Какой может быть отдых без отмокания в ванне? Фыркнув недовольством, из крана вырвалась тугая струя воды. Полина сунула пальцы — теплая. Слава Богу. Стечет — будет горячая. А она пока разденется...

Неожиданно резкий среди ночной тишины звонок в прах развеял мечты об отдыхе. Полина дернулась, как от удара током. Кого это принесло среди ночи? Ну почему гости всегда приходят так не вовремя? Выглянула в глазок и едва не задохнулась от негодования. До чего же бестактный народ, неужели непонятно, что она заплатит за дежурство завтра же. Ведь всегда наперед платит перед гастролями, можно было бы и потерпеть один разок...

Она распахнула дверь и грубовато

«поприветствовала» гостью, не дав ей и слова промолвить:

— Я же сказала: все вопросы завтра! Заплачу я вам за дежурство, не волнуйтесь. Вперед заплачу. Ну просила же не беспокоить!

Хотела было захлопнуть дверь перед навязчивой консьержкой, да та не позволила, уперлась рукой:

— Да нет, Полинушка, ты не поняла, я не за деньгами. У нас еще те не закончились, ты ничего не должна. Я забыла, старая, ты прости меня...

Полине было уже не до дежурных улыбок. Смотрела на соседку, не скрывая не досады даже, а откровенной злости:

— Тетя Наташа, всё потом, потом! Не трогайте меня, пожалуйста! Я зайду к вам завтра. Или кто там завтра дежурит? Тетя Катя? Или баба Надя? Я завтра...

Тетя Наташа затрясла седенькой взлохмаченной головушкой, глаза глядели на хозяйку так виновато, что Полина замолкла на полуслове. Старушка протянула ей замусоленный листок:

— Ты прости, детка, она у нас уже три недели валяется, баба Надя сдуру на нее банку с борщом поставила. Три недели. А телеграмма-то срочная. Мы же не знали, где тебя искать. Прости, милая, прости...

Тетя Наташа мелко перекрестилась, и не оглядываясь, засемила к лифту, волоча тапки по полу. Дверцы подъемника разъехались в стороны с тихим шуршанием, приняли в свои тесные недра старушку, и вновь сомкнулись. Полина стояла одна на пороге, словно гостя ей привиделась. Но нет, в ее руке было подтверждение реальности происходящего. Телеграмма. Срочная. Ох, не к добру это, не к добру...

Трясущимися от волнения руками Полина раскрыла сложенный вчетверо бланк с синей полосой, прочитала: «Отец умер, срочно приезжай. Т. Ира».

Глава 2

28 мая, воскресенье

Из отчего дома Полина уехала сразу после окончания школы. Была б ее воля — уехала бы на год раньше. А ведь когда-то она так любила свой дом...

Детство у Полины было замечательное. Ребенком в семье она была единственным, так что родительскую любовь ни с кем делить не приходилось. И игрушек было достаточно, и вниманием не обделяли. Да и кормили не как

придется, а рационально, по науке, учитывая каждую калорию, благодаря чему теперь, пожалуй, до конца дней Полине не стоило переживать по поводу фигуры. Это уж мамина заслуга, ведь в наследство от папы дочери передались не очень хорошие в этом плане гены. Отец, Анатолий Петрович, был мужчиной дородным, рядом с которым мама выглядела Дюймовочкой.

Анастасия Григорьевна всю жизнь хлопотала вокруг своих любимых. Кажется, ухаживать за ними, баловать мужа и единственную дочь — вот ее истинное призвание. Полине она всегда казалась самой счастливой женщиной на свете. Даже и себе мечтала о таком счастье. Частенько говаривала, будучи уже подростком:

— Эх, мам, повезло тебе. А как же я буду жить, если самый лучший муж уже занят?

На что Анастасия Григорьевна отвечала обычно, грустно улыбаясь:

— Глупая ты у меня еще, Полинка! Многого не знаешь. Самый лучший муж еще не родился, детка. И папа твой, может, идеальный отец, а вот мужья бывают и получше.

Сникала на мгновение, а потом заливалась колокольчиком, давая понять дочери, что шутит, и непременно добавляла:

— Замуж надо выходить не за идеального, а за того, кто не будет откровенно плох и испорчен

сумасшедшей мамашей. А уже потом, после свадьбы, потихоньку воспитывать его под себя. Поверь мне, детка — все лучшие мужья стали лучшими именно таким нехитрым способом. А в чистом виде они в природе не встречаются. Этот вид мужчин вообще разводится только в неволе!

Ах, как замечательно мама умела смеяться. Пожалуй, именно благодаря этому ее умению Полина и чувствовала себя такой счастливой и беззаботной. Потому что раз мама так замечательно смеется, значит, в мире все в порядке, жизнь прекрасна и удивительна, и судьба бесконечно милостива к семейству Градовых.

А потом, как снег на голову, пришла беда. Нет, не беда. Что такое беда? — так, мелкие неприятности, не более того. В их же дом пришло настоящее горе.

Полина в тот черный день пошла в кино с подружкой Ольгой на последний сеанс, и должна была вернуться ближе к полуночи. Но так случилось, что сеанс отменили: во всем районе отключили электроэнергию, это было в принципе обычным делом для их городка — почему-то в конце года, словно бы исчерпав лимит, то в одном, то в другом районе свет выключался на пару часов, а то и вовсе на целый вечер. Пришлось возвращаться домой в крошечной темноте. Отец еще не вернулся домой, а Анастасия Григорьевна

почему-то не открывала дверь, и Полине пришлось воспользоваться своим ключом. Потом она звала маму, очень долго искала спички — вопреки обыкновению, их не оказалось на привычном месте рядом со свечой...

Кто знает, лучше ли было бы увидеть *это* при резком электрическом освещении или в рассеянном свете колеблющегося свечного пламени? Почему-то впоследствии именно этот вопрос терзал Полину больше всего. Как будто мозг, пытаясь избавиться от жутких воспоминаний, специально концентрировался на чем-то второстепенном. Но можно ли назвать второстепенным совершенно жуткое зрелище, представшее во мраке перед дочерью?!

Все прошедшие годы Полина пыталась простить мать, но ей это никак не удавалось. Став уже взрослым человеком, женщиной, прекрасно понимала причину этого маминого дикого поступка, а вот простить никак не получалось. Даже учитывая то, что по плану Анастасии Григорьевны дочка должна была застать не болтающуюся вместо люстры покойную мать с безобразно вывалившимся сизым языком, а безутешного вдовца, рыдающего над ее остывшим телом — все равно не могла простить, при всем желании, при всех оправданиях не получалось.

А еще предсмертное письмо, обращенное не к

дочери. Анастасия Григорьевна не позаботилась о том, чтобы пусть хоть письменно попрощаться с Полиной. В последнюю минуту мать о ней даже не вспомнила. Другие мысли терзали ее раненную душу, другие воспоминания. А для любимой дочери в материнском сердце не осталось даже самого малого места...

Много лет прошло, но боль... Какие глупости говорят люди, чтобы утешить несчастного. «Ах, потерпи немножко, скоро станет легче. Время прекрасный доктор, время лечит!» Ничего оно не лечит, ничего. Время — это просто время, и к медицинским понятиям ни малейшего отношения не имеет. Может, иные телесные хвори ему и под силу, но вот душевные... Нет, время решительно не способно избавить человека от дурных воспоминаний, от переживаний. От потерь...

От потерь... Правильно, именно во множественном числе, ведь теперь их у Полины две. Отец... Папа... Нет, папа остался в далеком и безвозвратном детстве. Отец.

ЯК-40 приземлился на бетонную полосу, ощутимо тряхнув при этом пассажиров. Полина ужасно не любила летать на ЯКах. Мало того, что сиденья узенькие, какие-то заскорузленькие, никакого тебе комфорта, колени упираются в спинку переднего кресла, так еще и входить

приходилось — неприлично сказать! — в зад самолета. Плюс ко всем радостям и багаж с собой таскать самостоятельно. Боинги, Аэробусы — вот настоящие самолеты, на них путешествие переносится куда легче. Пусть бы даже ИЛ — не тот фонтан, конечно, но все-таки не сравнить с ЯКами. ТУ-шки уже хуже. Летательные машины Туполева Полина не любила почти так же, как ЯКИ. В самолетах Градова разбиралась отлично. Не в технических характеристиках, конечно, сугубо в вопросах комфортабельности того или иного воздушного судна, благо налетать за свою жизнь довелось столько часов, что можно было бы потягаться со стюардессами. Но для тяжелых ИЛов и тем более заморских лайнеров нужны были куда более серьезные посадочные полосы, потому-то в родной городишко, не умевший похвастать аэродромом международного класса, самолеты повышенной комфортности не летали.

Бортпроводница открыла люк с выдвижной лестницей в хвосте самолета, уже можно было покинуть, наконец, недра такого неуютного салона, и пассажиры с удовольствием повскакивали со своих тесных кресел, столпившись в узком проходе, но что-то мешало движению. Впрочем, и к этому Полина давно привыкла — всегда приходилось потолкаться в очереди, хоть при входе в салон, хоть при выходе из него. А тут ведь пассажирам еще

нужно отыскать свои чемоданы, и собственными силами тащить багаж к выходу с летного поля. А потому она не спешила покидать кресло, расположенное во втором ряду. Решила дожждаться, когда толпа немножечко рассосется.

И правда, минут через пять людей в проходе почти не осталось, только одна тетка замешкалась со своими необъятными баулами. Ох, как Полина не любила этих мешочниц. Это ж как нужно не уважать себя, чтобы таскаться с такими тяжестями. От одного вида дешевых клеенчатых сумок в синюю клетку ее организм начинало мутить. Из-за тетки Полина никак не могла добраться до своего чемодана, и в ее душе начала зарождаться брезгливость. Улучив момент, она пронырнула между теткой и стюардессой с приклеенной искусственной улыбкой на ухоженном лице, пытаясь ухватить свой багаж. Но, как назло, ручка чемодана зацепилась за веревки, которыми для надежности были перемотаны чужие баулы. Полина дернула, возможно, слишком резко, чужая огромная сумка угрожающе затрещала, зато чемодан тут же оказался в руках владелицы. Однако такое обхождение не очень понравилось тетке.

— Осторожнее! — недовольно прогудела она низким грудным голосом, и в Полининой душе что-то колыхнулось, царапнуло. — Какие прям все

нетерпеливые!

Тетка резко повернулась и воззрилась гневным взглядом на обидчицу. На какое-то мгновение ее взгляд смягчился, даже уголки губ чуть дрогнули в полуулыбке. Но тут же светло-карие, с яркими рыжими вкраплениями глаза потемнели. Тетка отшатнулась, словно бы получив неожиданную оплеуху. Но потом вновь посветлел взгляд, поплыли в стороны уголки полных бесцветных губ:

— Наградова, ты? Ну надо же, какая встреча!

Что-то кольнуло в сердце. Наградова... К Полине миллион лет никто так не обращался. Вернее, чуть меньше, всего пятнадцать.

Классе в пятом, а может в шестом — Полина не помнила точно — когда они по литературе изучали бытие Тома Сойера и его тетушки Полли, с чьей-то легкой руки Полина Градова превратилась в Полли Наградову. Имя как-то не слишком прижилось — едва забыли о романе Марка Твена, нерусское имя тут же кануло в лету. А вот Наградовой Полину звали до последнего звонка все, кому не лень. Даже учителя иной раз забывались и вместо Градовой вызывали к доске Наградову. Ничего обидного для себя в этом Полина не находила, и привыкла настолько, что перестала замечать разницу между фамилией и кличкой.

Прежде, чем она успела прийти в себя и понять, кто же это зовет ее из детства, неопознанная тетка полезла обниматься:

— Полиииинка! Подрууужка!

Вот теперь она узнала. Если изначально голос показался лишь как будто бы знакомым, то теперь, услышав ласковые чуть растянутые нотки, Полина вспомнила. Все вспомнила: и долгую дружбу с задорной хохотушкой, и чужую смертельную обиду, из-за которой даже не попрощались перед отъездом. И брезгливости как не бывало:

— Светка? Жадобко, ты? Боже мой, Светка, я тебя даже не узнала!

Та отстранилась, помолчала несколько мгновений. Улыбалась широко, от души, но кто знает, действительно ли рада была встрече, или же размышляла, стоит ли поминать старое?

— Конечно, не узнала, — ответила приветливо, без тени прошлых обид. — Где меня, такую, узнать? Ты ж меня, поди, девчонкой помнишь, тонюсенькой, как сама. И, кстати, я уже давно не Жадобко. Избавилась наконец-то от любимой фамилии. Зато ты...

Светлана замолчала на миг, залюбовалась:

— Ой, ну ты просто такая же! Совсем не изменилась! Нет, вру. Еще лучше стала. Нет, правда, прям расцвела. Ну как ты? Я слышала, ты нынче в Москве обитаешь?

Стюардесса молча ждала, когда же, наконец, последние пассажирки покинут салон, и она сможет приступить к своим непосредственным обязанностям. Только улыбалась заученно, при этом глаза ее были такие уставшие, что, встретившись с нею взглядом, Полина все поняла:

— Пойдем уже. Хватай свои баулы — не видишь, задерживаем человека.

Света схватила одну сумку, вторая никак не соскакивала с багажной полки, видимо, еще за что-то зацепившись. Полина поставила чемодан и тоже схватилась за баул. Вдвоем стащили его на пол, поволокли к лестнице. Полина подивилась: надо же, и вдвоем не допрешь, как же Светка сама справлялась с таким багажом? И как они умудрились не встретиться в Москве при посадке?

До выхода с аэродрома идти было довольно далеко. Вечно так с этими Яками. А автобусы для пассажиров на местном аэродроме не были предусмотрены. Баулы оказались такими тяжелыми, что подругам пришлось несколько раз останавливаться, чтобы передохнуть. Естественно, времени зря не теряли, отдыхали с пользой для дела.

— Так ты чего к нам из столиц-то? — поинтересовалась Света, переводя дух и распрямляя спину. — Отца навестить? Или насовсем?

— Отца, — грустно отозвалась Полина,

потирая поясницу. — Хоронить...

— Да ты что? Ой, я не знала, извини. А что случилось-то? Вроде здоровый мужик был, я его видела как-то не так давно — ничего, крепенький такой, бодрый. Надо же... Как же это...

Светка сокрушалась так искренне, но Полине почему-то было неприятно. Чего раскудахталась? Ведь в курсе тех событий, могла бы и промолчать.

— Я, Свет, сама пока ничего не знаю. С гастролей прилетела, а там телеграмма. Ничего пока не знаю. Может, и без меня уже схоронили, а может, в морге лежит. Не знаю...

Сама себе подивилась: так отстраненно не только говорила, но даже ощущала. И не наигранность это была, а истинное безразличие. Пока не получила страшную телеграмму, Полина была уверена, что будет раскаиваться, если с ним что-то случится, даже уговаривала себя смягчить позиции. А теперь... Словно и не родного человека потеряла, а едва знакомого. И кто знает: может, к малознакомому даже больше участия проявила бы...

— Тебя кто-то встречает? — Светка решила сменить большую тему.

Полина оживилась:

— Надеюсь. Ольга обещалась, я звонила ей перед вылетом. Помнишь мою Ольгу?

— Бирюкову? Конечно помню. Она на

машине?

— Ну наверное, не знаю.

Светлана нахмурилась:

— Значит, опять так и не поведемся по-человечески.

— Ну почему? Вот я только с делами своими разберусь...

— Ага, — перебила Светка. — Пока ты разберешься, я уеду. У нас поезд, второго числа в Алушту едем. Рановато, конечно, море еще не прогрелось. Да что поделаешь — мой Пашка только сейчас может с работы вырваться. А мы еще за всю жизнь все вместе не отдыхали ни разу. А пока вернемся — ты уже наверняка уедешь...

— Ну, это еще бабка надвое сказала, — бодрым голосом начала Полина, потом сникла. — А впрочем... Пожалуй, ты права. Ах, как жалко! Надо же, в кои веки встретились, и даже поболтать вволю не получится. Как ты, что ты?...

— Вот и я о том же, — грустно отозвалась Светлана. — Как ты, что ты. Я же только знаю, что ты в Москве, что танцуешь, а что, как... Слушай, а поехали с нами?

— Ты что? — опешила Полина. — Мне ж похоронами нужно заниматься! Какая может быть Алушта?!

Светка хихикнула, и тут же прикрыла пухлые губы ладошкой — человеку печальные хлопоты

предстоят, такое горе, а она расхихикалась.

— Нет, Полин, ты не поняла. Сейчас! Ну, меня же муж встречает, на машине. Вот и поехали с нами. Ну ты же со своей Бирюковой еще успеешь наговориться, правда? А со мной хоть по дороге пообщаешься. Поехали, а?

Полина растерялась:

— Ольга обидится...

Света рассердилась:

— Ну вот, Ольга обидится, а я нет. Всегда у тебя Ольга на первом месте была! А мне не надо, да? Ну ты ж про меня тоже ничего не знаешь, как и я про тебя. Вот по дороге и поговорим. А лучше заедем к нам, хоть покушаешь с дороги, а потом уже к своим скорбным делам приступишь.

— Ну, скажем, покормить меня и Ольга додумалась бы. А вообще ты права. Давай. Я-то ведь тоже по тебе соскучилась. Считай, все детство вместе...

Едва последние пассажирки московского рейса покинули территорию аэродрома, решетчатые ворота за ними захлопнулись, и обе оказались в объятиях встречающих. Пока Света при помощи Полины дотащила свои необъятные баулы, на площадке из немалой толпы осталось всего три человека. К Светке тут же шагнул не слишком высокий излишне худоватый мужичок с не

по-мужски длинными темными волосами, забранными в нелепый хвост, по-быстрому, как-то дежурно чмокнул в щеку и поволок баулы к машине.

Полина оказалась в Ольгиных объятиях. Рядом с нею радостно улыбался законный супруг. Сердечко почему-то забилось чуть быстрее. Сашку Ресниченко Полина знала, можно сказать, чисто символически, постольку, поскольку довелось присутствовать на их свадьбе в роли свидетельницы. Ну, еще немножко по письмам. Судя по ним, мужем Сашка оказался весьма недурственным, заботливым, неплохо зарабатывающим. В общем, отзывалась Ольга о своем сокровище сугубо в восторженных тонах.

Наверное, было за что. Забота и хорошие заработки — само по себе немаловажно, а в семейной жизни, наверное, самое основное. Полина, увы, могла только догадываться об этом, потому что собственным опытом семейной жизни похвастать не могла. *Пока* не могла — осаживала она саму себя каждый раз, лишь только подобные мысли лезли в голову. Но ведь и кроме этих основных (наверное) качеств, Ресниченко владел и второстепенными достоинствами.

Хотя, скорее всего, для очень многих женщин эти второстепенные мужские качества являются первостепенными. Потому что Ресниченко был на

диво хорош собою. Это Полина отметила еще при первой с ним встрече, когда приезжала специально к ним на свадьбу. Еще тогда поразились: ну до чего хорош! Почти блондин, хотя и не совсем — его короткие гладкие волосы скорее имели оттенок мокрого песка. Чуть нагловатый взгляд голубых, как утверждала Ольга, глаз, хотя Полина назвала бы их «глубоко серыми», в уголках чуть тонковатых губ пряталась усмешка, нос, можно сказать, какой-то хищный: точеный, почти прямой, если не считать небольшой горбинки посередине.

Вот разве что рост немного подкачал. Если и можно было его назвать высоким, то разве что рядом с маленькой женщиной. Но и коротышкой не был: если уж говорить честно и откровенно, рост его правильно было бы описать, как средний. Зато фигура... Нет, Ресниченко совсем не был атлетом. Но было при этом в нем что-то этакое, что не позволяло отнестись к нему с мелким презрением. За километр в нем чувствовалась какая-то несвойственная русскому мужику аристократичность: вроде тонок и звонок, возможно, даже худ, но о нем хотелось сказать не «тощий», а «изящный». Гордая посадка головы, самоуверенный разворот совсем нешироких, в принципе, плеч.

Одним словом — красавец. Помнится, в первую с ним встречу Полина подивилась — надо

же, как это Ольге удалось отхватить такое сокровище? Потому что рядом с Сашкой невеста выглядела бедной родственницей: откровенно полная, с налитыми щеками, из-за чего каре-зеленые глазки выглядели несуразно маленькими и невыразительными. Единственным плюсом была лишь шикарная коса, но если честно и откровенно, она не столько украшала Ольгу, сколько делала ее похожей на дебелую деревенскую девку-переростка.

Теперь же Ольга переменялась кардинально. Пожалуй, среди толпы встречающих Полина вряд ли узнала бы ее. Но на площадке за воротами аэродрома остались лишь Ольга с Сашкой, и как было не узнать в этой роскошной женщине лучшую подругу? Вместо шикарной косы — коротенькая стрижка на грани неприличия, соломенный ежик волос со странной, словно бы выщипанной челкой. Вместо круглого блина с пухлыми щеками, какой все эти годы Полина помнила подругу — чуть вытянутый овал подтянутого лица без намека на второй подбородок, и глаза уже не казались маленькими и бесцветными. Черные брючки и легкий голубой кардиган совершенно скрадывали некоторые оставшиеся недостатки фигуры. Полина даже подивилась: надо же, до чего может любовь довести человека. Конечно, попробуй не похудеть рядом с таким-то красавцем — вмиг уведут.

Обнявшись с подружкой, «поцеловавшись» лишь щеками, дабы не испачкать друг друга помадой, Полина спросила с чуть виноватым выражением лица:

— Оль, Саш, вы не сильно на меня обидитесь, если я с вами не поеду? Меня Света довезет. Оль, помнишь мою Светку? Это ж она, узнаешь?

И Полина подтолкнула скромно стоящую в сторонке подругу пред светлые очи четы Ресниченко.

Ольга вглядывалась пристально, пытаясь в этой базарной тетке узнать Полинину одноклассницу.

— Светка? Жадобко? — неуверенно переспросила она.

Та дернулась, как от пощечины. Так настрадалась за свою жизнь от этой жлобской фамилии, так намучилась. Давным-давно замуж вышла, вздохнула спокойно, так все одно нет-нет, да и напомним какая-нибудь сволочь все ее детские страдания.

— Уже давно не Жадобко! — возмутилась она. — Я теперь Тарасенко.

А Ольге не было никакого дела до чьей-то нынешней фамилии. Она смотрела на Полину так растерянно, словно оказалась вдруг заблудившейся в огромном мире пятилетней девочкой. Беспомощно оглянулась на мужа, ища поддержки.

Сашка тоже как-то замялся, потом слишком бодро, даже немножко фальшиво, изрек:

— Еще чего! Это мы тебя встречаем! Не выдумывай.

И, словно поняв, что его слова прозвучали не вполне дружественно, добавил:

— Чего ты придумала? Мы так старались, обед приготовили...

В спор вступила бывшая Жадобко:

— Ну, я-то тоже найду, чем ее накормить.

— Нет, Оль, Саш, правда, — просительно вторила ей Полина. — Я вам так благодарна, что приехали, да еще и вместе, я думала, только Ольгу отрываю от дел, а она и тебя, Саш, притащила. Так неудобно получилось... Но я же с вами еще успею наговориться, я вам еще надоем. Мне, собственно, кроме вас и прийти-то будет не к кому. Честно-честно, я к вам каждый вечер приходиться буду, вот увидите! А Светка скоро уезжает на месяц. Я ведь с ней даже не смогу встретиться. Так хоть по дороге поболтаем. А? Вы не сильно обидитесь?

Ольга насупилась, ухватившись за руку мужа. Сашка крикнул недовольно:

— Нет, подруга, так дело не пойдет. Посрывает всех с места, оторвала от дел. Я, между прочим, отменил прием, важную встречу отменил.

При упоминании о сорванных делах Полине

стало совсем грустно. Ну разве она просила приезжать Сашку? А Ольга... Ну, на то она и подруга, чтоб можно было в любое время сорвать ее с места.

— Нет, братцы, вы не сердитесь, но я поеду со Светой, — Полина решительно отвергла доводы четы Ресниченко. — Ну в самом деле, чего вы такие непонятливые? Мы же с ней десять лет за одной партой сидели. Ну имейте же совесть! Сто лет не виделись, я же ничего про нее не знаю. И вообще про одноклассников ничего не в курсе. Знала бы, что ее в самолете встречу, разве я стала бы вас дергать, просить о помощи? Я бы сама прекрасно добралась до города. Ну не обижайся, Оль!

Полина просительно взглянула на подругу, улыбнулась обезоруживающе, и, кивнув Свете, пошла на стоянку, где незнакомый пока еще Павел Тарасенко не без труда впихивал баулы в потрепанную иномарку тусклого серебристого цвета. А супруги Ресниченко так и остались стоять на площадке перед чугунной витой оградой, растерянно взирая друг на друга.

Глава 3

Сидеть в гостях у Тарасенко оказалось очень даже приятно. Полина быстро освоилась и с новой Светкиной внешностью, и с новой фамилией. Муж

ее, представившийся по-ребячьи «Пашка», обычный с виду, неброской внешности мужик с нелепым женским хвостиком оказался простым в доску парнем, очень коммуникабельным, и как-то сразу вошел в доверие, словно бы Полина была знакома с ним ничуть не меньше, чем с самой Светкой. Приятно было сидеть с ними за нехитрым столом и слушать беззлобную перебранку супругов.

— Я ей, Полин, говорил, — докладывал ей новый знакомый, кивая на супругу. — Что, скажешь, не предупреждал? На кой тебе этот твой бизнес дался? Бизнесменша, ёлки! Ты ж своими тюками надорвешься! Ну, не миллионер я, но скажи, разве мы до твоего бизнесу плохо жили? Всегда сыты были, обуты-одеты, ёлки!

— Ой, да отстань ты, — привычно отмахнулась от него Светка. — Мы, Полин, и правда неплохо жили, но всегда ведь хочется большего. Хотелось же, как люди. Чтоб все как у всех. Машина вот. Правда бэушная, зато иностранка, Мицубиси! Без моего бизнеса шиш бы ты машину купил!

— Купил бы, — уверенно ответил Паша. — Купил бы!

— Ага, купил бы, — парировала супруга. — Запорожца несчастного! Который бы при виде кошки от испуга на дерево запрыгивал! Сиди уж, Покупало!

Не слишком ласковое, в общем-то, словцо, да еще и среднего рода, в Светкиных устах прозвучало так нежно, так любовно, что Полине вдруг стало завидно. Подивилась: казалось бы, чему тут завидовать? Живут со Светкиными родителями в старой трешке-хрущевке, пацаны семи и двенадцати лет орут, как ненормальные, дерутся за привезенные матерью сладости. Светка жутко поправилась после двух родов, какая-то стала не особо приглаженная, не присмотренная: на голове скирда из пережженных химией каких-то бесцветных волос, джинсы с джинсовой же рубашкой навывпуск, чтобы прикрыть неприглядности фигуры, руки, кажется, отродясь маникюра не видали. А вот таким теплом от их дома веяло, таким уютом, что сейчас, в эту самую минуту, Полина почему-то острее, чем когда бы то ни было раньше, ощутила свое одиночество.

Скользкую тему прошлых обид не затрагивали, да и разве могла бы Светка поднять волнительный для нее вопрос при муже? А может, и в самом деле поняла, что вопрос тот не стоил выеденного яйца? Вернее, с высоты сегодняшнего дня он действительно не стоил ровным счетом ни копейки. А тогда? Полине было жутко стыдно за собственное поведение. И может ли молодость, глупость и крайняя степень потребности быть оправданием в данной ситуации?

Светка не переставала восхищаться тем, как выглядит бывшая одноклассница: ах, Поинка, и стройненькая, как в юности, и красивенькая, такая вся ухоженная, так замечательно одета. Даже чемодан, и тот красивый, фирменный. Полина только улыбалась от ее комплиментов, а глубоко в душе сидел комок: стройненькая да ухоженная — это не ее, в общем-то, заслуга, просто попробуй растолстей с такой работой, вмиг на улице окажешься. Красивенькая? Это вопрос спорный. Легко выглядеть красивой, имея идеальную фигуру и возможность пользоваться дорогой косметикой. И вообще, чем ей, Полине, еще заниматься, как ни собственной внешностью? У нее ж ни детей, ни мужа. Дом, правда, есть, да вот только можно ли назвать домом место, где тебя никто не ждет, где ты бываешь от силы полтора-два месяца в году? Так, перевалочная база между гостиницами, и не больше. Дом — это нечто иное. Это тепло, уют, вкусные запахи, доносящиеся из тесной кухоньки, это верещащая ребятня, это сильные заботливые руки любимого мужчины...

— А зато я Турцию знаю, как облупленную, — с гордостью выставила мужу последний аргумент в пользу собственного бизнеса Светка, вырвав Полину из таких приятных мечтаний. — А ты там и не был ни разу! Ты вообще дальше Москвы никогда не был! Вот!

— Подумаешь, нужна мне твоя Турция, как слону пуанты! — возразил Паша. — Чего я там не видал? Мне и тут хорошо. Это пусть твои турки сожалеют, что ни разу в нашем Задрюпинске не были.

— Много ты понимаешь, — огрызнулась Светка. — Нужен туркам твой Задрюпинск. У них своего дерьма навалом.

— Ну вот видишь, — обрадовался тот. — Так что и тебе там, в том дерьме, нечего делать. Бизнесменша!

Полина нехотя поднялась из-за стола:

— Ну ладно, братцы, пора и честь знать.

— Ой, Полин, рано же еще! Посиди. Давай еще выпьем, — предложила хозяйка дома.

Полина усмехнулась:

— Да мы и так уж и за знакомство пили, и за встречу, и за удачу, и за дружбу. За что только не пили. Пора, Свет. Домой надо идти.

Сказала, и словно поперхнулась этим словом. В кухне повисла гнетущая тишина.

— Ой, — пискнула вдруг Светка, обладательница густого баска. — А про отца-то мы твоего забыли... Надо бы помянуть. Ой, нехорошо как получилось...

Павел быстренько исправил упущение, разлив по рюмкам оставшуюся водку. Выпили, как и положено, не чокаясь, молча, только Светка как-то

малоубедительно провозгласила «Царствие небесное». И она же нарушила тишину после короткой паузы:

— Слушай, Полин, а ты не боишься домой идти?

— А чего мне там бояться? — искренне изумилась та.

Светлана неуверенно пожала плечом:

— Ну как чего? Мать там... умерла... Теперь отец вот. Может, души их там умершие бродят неприкаянными, людей пугают...

— Что ты мелешь, ёлки?! — осадил супругу Паша. — Башкой бы подумала чуть-чуть — человеку там жить предстоит, и так, поди, не сладко, а ты еще масла в огонь подливаешь!

— Ой, и правда, — спохватилась Светка. — Полин, ты не обращай внимания, ладно? Ты же знаешь, на меня иногда находит.

Полина посмотрела на нее долгим немножко странным взглядом, ответила твердо:

— Я в призраков не верю, — и направилась к выходу.

Уже в прихожей, провожая подругу, Светка снова ойкнула:

— А про Жураховского ты в курсе?

Полина, завязывавшая в этот момент шнурки на кроссовках, застыла в неудобной позе. Ну вот, а она так надеялась обойти эту тему молчанием. Ну

Жураховский, ну и что? Или с ним тоже что-то случилось? Господи, только бы не... Полина медленно распрямилась, спросила напряженно:

— Что с ним?

— Вообще ничего не знаешь? — удивилась Светка. — Совсем-совсем?

Полина начала заметно нервничать. Нет, ну что за народ? Ты уж или говори, или даже не поминай, вот только не надо глупых вопросов. Если бы Полина хоть что-то о нем знала, разве стала бы она об этом кого-нибудь спрашивать?

— Что с ним? — хрипло переспросила она.

Светка приступила к рассказу обстоятельно, с самого начала:

— Ну, ты когда уехала, он тут из огня да в полымя кидался. А потом громкий шкандаль приключился. Любку Пивоварову помнишь? Ну, на класс младше нас училась, пухленькая такая, глазастьенькая. Ну помнишь, ты еще все удивлялась — надо же, пацанка совсем, а грудь уже в третий размер не влезает, помнишь? Та самая, с которой...

— Да помню, помню, — при воспоминании о пышногрудой Пивоварихе сердце еще больше зашлось. Нашла что спросить — помнит ли она Любку? Да Полина могла забыть кого угодно, только не эту малолетнюю дрянь! — С ним-то что? Живой?!

— Да конечно живой, — возмутилась

Светка. — Скажешь тоже! Что с ним делается-то, кому он нужен? Любку обрюхатил — тут наш Задрюпинск на ушах стоял. Та в ментуру заяву накатала, мол, изнасиловали. Ага, представляешь, Любку Пивоварову изнасиловали, анекдот! Она сама кого хочешь изнасилует. Короче, попал пацан, как кур в ошип. Пришлось жениться.

Вот это номер! Жураховский?

— Женился? — ошарашено переспросила Полина. — На Пивоварихе?

— Ага, — почему-то радостно кивнула Светка. — Представляешь, не повезло парню?

А глаза ее при этом просто сияли счастьем. Да, любит у нас народ чужой беде порадоваться.

Полина взяла с тумбочки в прихожей сумочку, перекинула ее через плечо на манер почтальонов, чтоб не соскальзывала, ухватила за высокую ручку чемодан:

— Ну ладно, Свет, счастливо вам отдохнуть. Я так рада, что мы встретились. Дай Бог, не в последний раз. Пока, подруга.

И шагнула к двери.

— Пстой, — кинулась ей вслед Светка. — Я ж еще не всё...

— Пока, Свет, — повторила Полина, переступая невысокий порожек. — Жураховский меня давно уже не интересуется.

От Тарасенко Полина вышла, когда на улице уже было сумеречно. Фонари еще не зажгли, да их тут вообще редко зажигали, разве что на центральной, все еще носящей имя вождя мирового пролетариата, улице. Идти было не так далеко, всего-то два с половиной квартала, да вот только с чемоданом и в темноте не слишком приятное путешествие ей предстояло. Правда, Павел все порывался проводить, но Полина отказалась — не хотелось мужика отрывать от дома, от семьи. А еще больше не хотелось идти с ним вдвоем по вечерним улицам родного городка и вздыхать каждый о своем. После того, как Светка вспомнила про Полининого отца, хорошее настроение как-то враз покинуло честную компанию. Все сразу вспомнили, по какому скорбному случаю приехала домой Полина, стали сосредоточенными. Светка залепетала что-то ободряющее, но таким тоном, что от него всем стало только еще больше не по себе. Добавил неловкости и Паша: мол, если что, смело обращай за помощью, мы поддержим. Тут и вовсе тишина повисла смертельная: все ведь прекрасно понимали, что это лишь дежурная фраза, едва ли не единственная подходящая в этой ситуации, а на самом деле...

На самом деле Тарасенки и рады бы помочь, да через несколько дней уезжают на юг, к ласковому морю, к теплому солнышку, и кто их за

это осудит. Кто посмеет нарушить их планы на вполне заслуженный отдых в кругу семьи. Да и так ли уж нужна была Полине чья-то помощь. Деньги у нее есть свои, спасибо, а для организации похорон существуют ритуальные службы: за то ведь и деньги берут, чтобы освободить родственников от печальных хлопот. Дело близких — оплакивать ушедшую душу, горевать. А по всему выходило, что горевать-то Полине как раз придется в гордом одиночестве. Потому что кто еще станет горевать об Анатолии Петровиче Градове. Никто. И если бы вдруг объявился человек, вызвавшийся взять роль плакальщика на себя, Полина бы не просто удивилась, а не поверила в искренность намерений этого человека. Нет, горевать об отце — это ее дочерний долг, ее печальная обязанность...

Чемодан подпрыгивал на неровной дороге, время от времени и вовсе застревал, зацепившись за булыжник. А Полина все шла и шла, без конца перескакивая мыслями от одного к другому. Про отца думать было неприятно. И печалиться особо не получалось, и теплые воспоминания почему-то не всплывали, хотя ведь были, были в их семье приятные моменты. По крайней мере, у нее, у Полины. До того самого дня, пока она не прочитала прощальное мамино письмо, адресованное не ей...

Зато память услужливо подсказывала другие картинки, другие ассоциации. С другим человеком

связанные, не с тем, кого Полина приехала хоронить. С тем, кого давно похоронила. Но он, похороненный в душе, и по сей день нет-нет, да и оживал в ней, да так, что Полине казалось, будто чувствует его робкие руки на своей талии. Но нет, нет, это все иллюзия, его нет, он ведь мертвее, чем отец. Папа мертв меньше месяца, а Жураховского нет уже много-много лет, да и был ли он вообще? Быть может, она все себе напридумала когда-то давно, в далеком-далеком детстве?...

Полина уже вошла в просторный, ромбом, двор, окруженный четырьмя пятиэтажками и рассеченный дорогой на два почти одинаковых треугольника. В это время суток дворик оказался совершенно пустынным, словно бы осиротевшим. Ни пенсионеров, привычно забивающих козла за стареньким, латанным-перелатанным разнокалиберными картонками столом, ни пацанов, играющих в войнушку — ни единой живой души. Пусто, как-то мертво. Будто не ее отец умер, а весь мир дружными рядами, со строевыми песнями отправился на тот свет.

Оставалось пройти совсем чуть-чуть. И уже не было страшно, потому что сгустившуюся за время ее недолгого пешего путешествия тьму рассеивали фонари над входными дверями подъездов. Неожиданно Полина услышала натужный рев мощного мотора за спиной, возникший резко,

казалось, ниоткуда, и не столько умом поняла, сколько ощутила опасность буквально кожей. Резко скакнула вбок, больно ударившись плечом и рукой о большущий контейнер для мусора. А вот чемодан убрать с дороги не успела, только почувствовала, как удобная ручка выскальзывает из повлажневшей вдруг ладони. И еще успела затуманенным сознанием увидеть, как серебристая машина, блеснув напоследок фарами, скрылась в проезде между двух домов.

Все случилось как-то очень быстро. Полина слышала резкий удар, но не могла понять, она ли это так сильно ударилась о мусорный бак, или же это чемодан так здорово ударился о машину. А может, и не о машину. Может, и чемодан грохнулся тоже о контейнер, а уже потом отлетел в сторону.

Черт! Полина встала, попыталась отряхнуться. Да где там — светло-кремовая блузка из настоящего китайского шелка, которую она так любила, была испорчена безнадежно. Мало того, что измазана ржавчиной и еще черт знает какой гадостью, так на рукаве шелк пополз в разные стороны, образовав безобразную рваную дыру.

— Черт! — не сдержалась она и ругнулась вслух. — Твою мать! Кто тебя учил водить, придурок?!

Оглянулась в поисках чемодана. Хоть бы вещи были целы. Да и сам чемодан жалко —

хорошая вещь, больших денег стоит. А главное, такой удобный в поездках.

Чемодан отлетел от мусорки метров на восемь и валялся практически под окнами первого этажа. Треснувшая пластиковая крышка откинулась, часть вещей вывалилась прямо на землю. Хорошо, что дождя нет, порадовалась Полина, хотя, по большому счету, поводов для радости в данной ситуации было ой как мало.

— Сволочь! — выкрикнула она в темноту, собирая тряпки. — Козел! Шумахер недоделанный!

Проверила сумку — слава Богу, цела, там ведь все документы, деньги, ключи от дома. Хорошо, что догадалась ее через плечо повесить, иначе наверняка потеряла бы. А то и еще хуже — могла ведь запутаться, зацепиться длинным ремешком, не успеть отскочить в сторону, и тогда... И тогда отца пришлось бы хоронить посторонним людям. А заодно и ее саму, Полину...

Внезапно подобралась слезы. Она не плакала уже много лет, с того самого дня, когда увидела маму... там, в темноте. Потом, когда прочитала записку, Полина уже не плакала. Не плакала ни дома, ни на похоронах. Не заплакала и когда уезжала из города. Даже вчера, или нет, еще сегодня ночью, когда тетя Наташа принесла телеграмму, Полина тоже не заплакала, только присела на край ванны и долго сидела так, ни о чем

не думая. И вот теперь расплакалась. То ли от обиды на бестолкового водителя, то ли от навалившихся проблем. Так или иначе, но слезы текли по щекам, не причиняя ни малейшего вреда дорогой французской туши для ресниц.

Глава 4

Ключ категорически не желал входить в замочную скважину. В принципе, ничего удивительного в этом не было — Полина ведь покинула дом полтора десятка лет назад, и было бы попросту странно и нелогично, если бы отец за это время не сменил замок. Но другого-то ключа у нее не было. И иного способа войти в родительский дом, кроме как через дверь, тоже. Ах ты ж, досада какая, как же она раньше не подумала об этом. Что же теперь делать?

По всему выходило, что придется теперь Полине тащить разбитый чемодан на другой конец города к Бирюковой, то есть к Ресниченко — больше деваться некуда. Как альтернатива Светка Жадобко, но у них она уже сегодня полдня просидела, надо бы и честь знать. Да и народу у них — не протолкнуться. Нет, доведется проситься на постой к Ольге. Да вот только как до нее добраться с разбитым чемоданом подмышкой? Поди-ка тут такси поймай в этом Задрюпинске.

В конец расстроенная, она присела на подоконник между первым и вторым этажами и впервые в жизни пожалела, что не курит. Пусть бы сигарета не помогла ни дверь открыть, ни такси поймать, но все равно, Полина была в этом абсолютно убеждена, от никотина в эту минуту испытала бы моральное облегчение. Вот только сигарет у нее не было...

Но, наверное, не совсем еще отвернувшись от Полины фортуна — тетя Ира, соседка слева, вопреки традициям и приметам, решила вынести мусор на ночь глядя. Вот она, удача.

— Тетя Ира! — воскликнула Полина, соскальзывая с подоконника. — А я думала, вы уже спите, так неудобно было будить.

— Полина? — удивилась соседка, пристально вглядываясь в сумрак лестничной клетки. — Ты? Я очки-то не надела, лица совсем не разгляжу. Ты ли?

— Я, тетя Ир, я, — уверила ее Полина.

— Так что ж ты здесь то? Как же? — закудахтала соседка. — Пойдем же, пойдем. Сейчас, подожди, милая, я мусор-то выброшу, а ты заходи пока, дверь открыта.

Входить в чужой дом без хозяйки было как-то неудобно.

— Нет, тетя Ир, давайте я вас здесь подожду. А лучше я сама вынесу мусор, а вы домой идите.

Не дожидаясь согласия, Полина подхватила

мусорное ведро и начала спускаться вниз. Хорошо, что тетя Ира очки не надела, иначе могла бы разглядеть, как она брезгливо скривилась. И вовсе не потому, что белоручкой стала. Просто все нормальные люди давным-давно пользуются специальными мусорными пакетами — и удобно, и руки чистые, и даже ведро мыть не надо, одно сплошное удобство. Но пока это новшество внедрится в быт жителей их Задрюпинска, не одно поколение горожан сменится.

И лишь снова увидев мусорный контейнер, Полина вспомнила, что выглядит далеко не лучшим образом: чумазая, в грязной, порванной блузке. Да вдобавок ко всему еще и не совсем трезвая. Вернее, после происшествия с придурком-лихачом она немного протрезвела, то есть Полина и изначально-то не слишком пьяная была, но подшофе, а потом вроде как развеялось всё. Всё, кроме характерного запаха. Вот и объясни теперь сердобольной соседке, почему в отчий дом явилась в таком жутком виде, да еще и пьяной. Эх, что такое «не везет» и как с ним бороться...

Соседская дверь была раскрыта нараспашку, чемодана на площадке уже не было. Оставалось надеяться, что прибрала его с дороги тетя Ира, а не чья-либо более шустрая рука. Прикрыв за собой дверь, Полина прошла внутрь. Ведро оставила в прихожей и тут же, не попадаясь на глаза хозяйке,

юркнула в совмещенный санузел. Насколько было возможно привела себя в порядок, тщательно прополоскала рот, на всякий случай мазнув пальцем по зубам дешевой зубной пастой — хоть как-то перебить бы запах. Только после этого вошла в комнату.

Тетя Ира сидела на табуретке в кухне, ожидая появления гостыи. На ее носу красовались очки с перемотанной изолентой дужкой, и Полина похвалила себя за предусмотрительность. Остановилась в проходе:

— У меня ключ не подошел. Папа, видимо, давным-давно поменял замок.

Хозяйка не ответила, придирчиво оглядывая ее с ног до головы. Потом спросила осуждающе:

— Господи, Полина, ты откуда такая явилась? Мы тебя уж ждать перестали — столько времени прошло.

— Что, уже похоронили? — замирая от волнения, спросила Полина. А сама не могла понять, от чего больше стынет сердце: от отчаянья, что даже не удалось попрощаться с отцом, или от радости, что не придется заниматься всеми этими печальными хлопотами.

— Да кто ж его хоронить будет? На заводе сказали: «У него дочка есть, вот она пусть и занимается». Мы, говорят, не миллионеры, чтобы пенсионеров за свой счет хоронить. Соседи тоже

все больше на тебя надеялись. Так и лежит, сердешный, в морге.

Полина устало опустилась на вторую табуретку, облокотилась на стол, спросила:

— А что случилось-то? Вы ничего не написали. Он ведь не болел, правда? Я же ему перед гастролями звонила, в конце марта, кажется. Ну, жаловался на почки, так это у него дежурная тема была, он всегда на них жаловался...

— А кто его теперь знает, детка? Умер и умер. Сказали — естественной смертью. Так и сказали, слово в слово: «Труп не криминальный». Тьфу, да разве ж можно так о человеке-то? А что да как — нам, соседям, не докладывали. Даже справку о смерти не дали — сказали, вот дочка появится, ей и выдадим.

Полина проигнорировала известие о справке — тоже мне, новость, куда в нашей жизни без бюрократии?

— А где? Как? Хоть что-нибудь известно?

— Да чего там известно?! Друг его забеспокоился — куда-то они вроде договаривались пойти, а Анатолий пропал. Тот пару дней звонил, звонил — никто не отвечает. Позвали участкового, выбили дверь, а он лежит, сердешный, уж пятнами пошел, запах... Хорошо хоть вовремя хватились, а то потом квартиру в жизни бы не проветрили! Ой, извини, детка, — опомнилась соседка.

Помолчали немного. Только старомодные часы на стене громко тикали, нарушая неуютную тишину.

— Я потом замок купила, слесаря из ЖЭКа вызвала, а то дверь-то совсем с петель слетела, ее как простую доску приставили — заходите, люди добрые, берите, чего пожелаете! Вот и квитанции все — за телеграмму, и за замок, и за работу слесарь расписку выписал, — тетя Ира подсунула Полине бумажки.

Та на них даже не взглянула:

— Я заплачу , заплачу , тетя Ир, не волнуйтесь. Так это что же, выходит, отец замки так и не менял? Он что же, меня все это время ждал?

— Чего не знаю, того не знаю, — хозяйка с осуждением поджала губы. — Может, и не ждал — обиделся он на тебя шибко. Но не хотел, чтобы ты, домой-то вернувшись, как собака беспризорная под дверьми стояла. А так оно и вышло. Вишь, как вернулась? Пьяна, драна вся. А он-то всем рассказывал, как ты там в своей Москве здорово устроилась, что по заграницам мотаешься, денегат ему подкидываешь. Знать, любил тебя сильно, раз так врал про тебя!

— Не врал.

Полине было жутко обидно, так хотелось сказать какую-нибудь гадость. Ну почему люди

такие? Почему в душу лезут, почему судят обо всех так, как захочется, как придумается? И ведь выводы свои потом будет оглашать всем и каждому. Так хотелось ответить тете Ире какой-то колкостью, но нет, нет... Какое она сама имеет право. Ведь и в самом деле явилась и пьяная, и драная, спустя три недели после смерти отца. Да, права тетя Ира — плохая Полина дочь, очень плохая...

— Не врал, — тихо повторила она. — Так и есть. Просто подруга меня из аэропорта привезла к себе, там посидели, поужинали. В общем...

Замолчала, не зная, что еще тут можно добавить.

— Ага, то-то, что «в общем». Вижу я твое «в общем», — не удержалась от укола тетя Ира. — Иди уже, горе луковое. Бери ключи, шагай. Как проспишься — паспорт его найди да в морг ступай, возьми там справку о смерти. С ней в загс пойдешь, там свидетельство о смерти выпишут. Все, шагай. Я так понимаю, кормить тебя не надо? Доброхоты уже напоили-накормили. Иди. Видела б тебя мать!

Полина резко взглянула на соседку, но ничего не сказала. Вытащила из сумки деньги, отсчитала сверх положенного, сунула в старушечьи руки. Скрючилась, поднимая раненный чемодан, так и вышла, не до конца распрямившись, даже не попрощавшись.

Полина открыла дверь и вошла. В нос ударил стойкий запах пыли и запустения. Нет, неправильно она поступила. Надо было, как и планировала, ехать с Ресниченками, да в отчий дом приходить засветло, а то ведь в темноте-то да затхлости и в самом деле можно поверить в каких угодно привидений.

Быстренько нащупала в темноте выключатель — надо же, ведь практически полжизни здесь не появлялась, а руки все прекрасно помнят. Зловещую темноту разорвал резкий электрический свет, чуть рассеянный матовым стеклом плафона-шара, загоня страхи и тени прошлого в дальние уголки помещения. Полина облегченно выдохнула, бросила чемодан в прихожей, и прошла в комнату.

Квартирка была самая что ни на есть обыкновенная, типичная хрущевка: из прихожей маленький коридорчик вел в крошечную кухоньку, по пути сворачивая в так называемую «большую», а на самом деле никакую не большую, а очень даже скромненькую, всего-то неполных семнадцати метров комнату, оттуда вход во вторую, уж совсем малюсенькую двенадцатиметровую.

Когда Полина была маленькой, эта квартира казалась ей вполне просторной и очень даже уютной. Теперь же все вокруг выглядело крошечным и нелепым. Все тот же круглый стол,

покрытый вязанной крючком некогда белой, ныне пожелтевшей скатеркой, и три совдеповских стула, задвинутых под него; старый скрипучий раскладной диван-книжка, два столь же древних кресла, одно из них, насколько помнила Полина, с поломанной ножкой; полированная мебельная стенка столетней давности со сколотым в некоторых местах лаком и без половины ручек — они были изготовлены из жутко хрупкого металла и начали отлетать буквально с первых дней. Шторы на окнах, имевшие в далеком прошлом яркий изумрудно-зеленый цвет, с шикарными золотыми оленями по полю, выцвели и приобрели стойкий болотный оттенок. Все тот же парадный столовый сервиз за стеклом серванта, подаренный когда-то маме коллегами, все те же собрания сочинений Пушкина, Алексея Толстого, Макаренко, Лескова и Есенина в соседнем отделении мебельной стенки. Даже обои, и те старые: аляповатый крупный орнамент из фантастических цветов. Полина подивилась: надо же, за столько лет у отца даже не дошли руки до ремонта.

В спальне тоже абсолютно ничего не изменилось: кровать со старым же покрывалом, трехстворчатый шкаф с перекошенными дверцами, шикарный инкрустированный комод, впадающий в резкий диссонанс с остальной мебелью. Впрочем, даже этот красивейший образец мебельного

искусства, который Полина когда-то обожала, и тот сейчас выглядел довольно жалко, покрытый толстым, явно не трехнедельным слоем пыли. Ни единой новой, незнакомой вещи. Отовсюду, буквально из каждой щели, веяло разрухой и запустением...

Темнота почему-то пугала, и Полина включила свет везде, где только можно, лишь бы изобразить хоть жалкую иллюзию жизни. Приняла душ — стало немножко полегче, появилось, наконец, некоторое ощущение дома. Завернувшись в банное полотенце, она прошла в спальню и поменяла постельное белье. Все, теперь спать, спать... Ведь прошлой ночью, еще не отойдя от тяжелого межконтинентального перелета, она так и не смогла заснуть — получив телеграмму, Полина просидела до утра в полной прострации, а как рассвело, тут же кинулась во Внуково, лишь чуть-чуть пересортировала чемоданы, взяла только самое необходимое, чтобы не тащить оба.

А утром ведь снова предстоят хлопоты. Нужно найти отцовский паспорт — хоть бы был на привычном месте, в комодке, в коробке из-под обуви. А потом, как сказала тетя Ира: в морг, в загс за свидетельством о смерти. А дальше? Куда дальше? Как организовать похороны? Где найти контору, занимающуюся этими проблемами? На кладбище? Или где ее искать? Надо будет спросить

в морге, там наверняка должны знать. Когда не стало мамы, этими проблемами занимались какие-то малознакомые люди, Полина вообще ничего не помнила, кроме чувства обрушившегося на нее беспощадного неба. А ведь надо еще оповестить всех знакомых — нельзя же похоронить отца вот так, чтобы даже никто его не проводил в последний путь. Были ведь у него друзья, приятели, сослуживцы в конце концов.

Мысли не давали расслабиться и наконец заснуть. Вспомнилось, как провожал ее отец, как умоляюще заглядывал в глаза: «Доченька, может, останешься?» Кто бы мог подумать, как быстро все может измениться. Ведь Полина всегда считала его идеальным отцом, и мужем тоже считала идеальным, по-детски наивно полагая, что непременно мамина оговорка ничто иное, как некоторое бахвальство: «Вот он у меня какой замечательный! Но ведь нет предела совершенству, значит, может, наверное, быть и еще лучше!» А потом, в тот страшный день, в один момент все встало на свои места. Стало понятно, что именно мама имела в виду, печально улыбаясь и на миг отводя взгляд в сторону. В одну секунду отец перестал быть идеальным, хотя как раз о его отцовских качествах в маминой записке не содержалось буквально ни слова. И тем не менее в тот момент Полина как будто бы лишилась не

только матери, но и отца...

Заснуть никак не получалось. Веки без конца открывались, и Полина пристально вглядывалась в темноту. Чего она искала там? Маму? Отца? Хотелось, как когда-то в далеком детстве, открыть заспанные глаза и увидеть улыбающееся мамино лицо, склонившееся над нею: «Спи, детка, спи!» Или отца, заботливо подтыкающего одеяло под уже взрослую пятнадцатилетнюю дочь — иногда Полина застукивала его за этим глупым занятием. И, улыбнувшись ему сквозь сон, засыпала счастливой.

Или же вместо беззаботных, благодушных лиц родителей опасалась увидеть их же полупрозрачные тени? Черт бы побрал эту Светку — надо ж было ляпнуть такое. Теперь ведь и правда жутковато стало. А что, если души родителей до сих пор здесь? Вот возьмут и явятся к ней среди ночи: «Молилась ли ты на ночь, Дезд...» Ой, нет, это же из другой оперы...

Видимо, Полина таки стала проваливаться в сон, потому что образы, видения, лица стали расплываться, каким-то невообразимым манером объединяясь в диком фантазмагорическом танце, словно бы перетекая друг в друга. Мама. Отец. Красивый, с ироничным взглядом и легкой усмешкой, спрятавшейся в углу рта — за какие только заслуги он ей такой достался? — Ольгин

Сашка. Сама Ольга — не сегодняшняя, а та полноватая стеснительная девочка с длинной толстой косой, которую Полина знала всю жизнь и которой доверяла безгранично, как самой себе. Светка, ойкнувшая чужим голосом: «И не боишься? Там же призраки!» И простой до неприличия парень Пашка: «Что ты мелешь, дура?»

Вдруг все оборвалось. Ни от сна, ни от видений не осталось и следа.

Шорох... Всего-то тихий, шелестящий, почти неслышный шорох выдернул Полину из неглубокой пока еще полудремы. Она не стала подниматься, только напряглась вся, насторожилась, прислушиваясь. Но нет, тихо, это ей только показалось.

Полина еще несколько мгновений повглядывалась в темноту, потом снова расслабилась. Нет, почудилось. Дом старый, чего ж удивляться. В старых домах всю жизнь что-то скрипит, дом словно бы сам дышит, как живое существо.

Не успела она вновь провалиться в сладкую дрему, как очередной шорох заставил напрячься и прислушаться. Теперь Полине показалось, что кто-то тихонько, словно бы самыми подушечками пальцев, постукивает в окно: тук, тсссс, тук-тук, тсссс. Жили бы на первом этаже, все было бы понятно — Полина и сама в ранней юности так

шалила. Теперь уж стыдно было вспоминать, как они с Ольгой сами когда-то, проходя поздно вечером под чужими окнами, иной раз позволяли себе подпрыгнуть повыше и стукнуть в стекло со всей дури, перепугав спящих хозяев. Был неподалеку дом, стоящий на пригорке, и окна первого этажа получались расположенными словно бы по косой: с одного боку первый этаж оказался непомерно высоким, до окон не допрыгнешь, не доскачешь, а с другого, напротив, едва не опирались прямо на фундамент. Вот они, юные дурочки, и забавлялись. Глупо, ах, как глупо! Даже преступно. Только теперь Полина смогла на собственной шкуре прочувствовать, каково просыпаться среди ночи от стука в окно. Но ведь она-то не на первом этаже. Пусть не слишком высокий, но ведь второй.

Шорох стих, однако расслабиться у Полины уже не получалось. Лежала напряженная, как струна, и прислушивалась. Вот, вроде, кто-то вздохнул тяжко. Или показалось? Да нет, точно показалось. Или нет? Это ей кажется, или она в самом деле слышит легкие шаги?

В дверь постучали. Легонько, чуть-чуть, но теперь Полина была уверена — не послышалось, действительно постучали. Присела на кровати, нащупала ногами вельветовые тапочки, и, затаив дыхание, нырнула в темноту спальни. Едва не

умерев от разрыва сердца, добралась до выключателя: спасительный свет залил комнату. Ну вот, со светом не так страшно.

На цыпочках прошла в коридор, боясь любых, даже производимых самой собою, звуков, но стильные тапочки были на невысоком каблукке и, отрываясь от пятки, довольно громко поцокивали и пощелкивали при каждом шаге. Прищурив один глаз, посмотрела в глазок: пусто, ни на лестнице, ни на площадке ни души. Все правильно, там и не должно никого быть, ей ведь все примерещилось...

Едва войдя в комнату, Полина вновь услышала легкое постукивание в дверь. Бегом вернулась к глазку, сходя с ума от страха — нет, опять никого. Но если никого нет, кто же тогда скребется в дверь? Господи, да что ж это такое?!

Два противоположных, взаимоисключающих желания разрывали ее в то мгновение. С одной стороны, хотелось открыть дверь и собственными глазами убедиться, что там, за дверью, нет никаких призраков, что это всё чья-то дурацкая, нелепая шутка, глупый розыгрыш. Даже не столько глупый, сколько жестокий. Но ведь она могла убедиться в этом и не открывая дверь, ведь именно для этой цели и был предназначен глазок. А хуже всего было то, что, определенно слыша странный звук, словно бы кто-то скребется, постукивает в дверь легкими прикосновениями ногтей (или когтей?!), Полина не

видела на площадке ровным счетом ни единой души. Ни живой, ни мертвой... А потому пересилило второе, более здоровое желание: не то что не открывать дверь, но даже покинуть коридор, отойти подальше от непонятного, а потому такого страшного явления.

Вновь вернулась в комнату. Осторожно присела в кресло, готовая в любой момент вскочить и отразить нападение невидимого врага. Но никто ее больше не беспокоил. Шорохи и стуки вдруг прекратились. Подождав несколько минут, Полина постепенно расслабилась и стала клевать носом. Двое суток без отдыха давали себя знать. Да что там двое! Можно подумать, она проспала весь перелет из южного полушария в родное северное. Так разве что, чуток покемарила в полудреме, но полноценным сном это считать никак невозможно. Ах, как Полине хотелось спать...

Нет, все к черту! К черту Светкины рассказы про неуспокоившиеся души покойников. К черту всех призраков, вместе взятых. К черту страхи и шорохи. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Потому что если бы призраки существовали, их бы уже давным-давно кто-нибудь поймал. Пусть не поймал бы, но ученые непременно нашли бы способ доказать реальность их существования. А раз нет доказательств, значит, они не существуют. Всё сказки, рассказы для

слабонервных.

Полина снова забралась в кровать и накрылась до самой шеи. Зажмурила глаза и попыталась заснуть. Но с включенным светом это сделать оказалось не так-то просто. Это что же, у нее вдруг стали такие тонкие веки? Почему сквозь них так легко пробивается свет?

Укуталась одеялом с головой. Да, вот так намного лучше — и свет не мешает, и никаких шорохов не слышно. Заснуть, только бы заснуть. Страшна бессонница, а не какие-нибудь призраки да вампиры. У нее завтра куча дел и беготни. Полина даже не знала, с чего начинать. Надо что-то решать с квартирой. Здесь квартиры дешевые, не Москва, сколько тех денег выручишь? Больше хлопот да бюрократизма, чем выгоды. Но ведь не бросать же так просто. Были бы у нее братья-сестры, Полина даже не стала бы претендовать на эту жилплощадь. Но в том-то и дело, что некому ее оставить. Значит, надо оформлять наследство, потом искать покупателя... А разве наследство так легко оформить? Где-то Полина слышала, что раньше чем через полгода это сделать невозможно. Что ж теперь, на полгода здесь оставаться?

Она выбралась из-под одеяла. Нет, так дело не пойдет. Под одеялом, конечно, не так страшно, да и свет не бьет в глаза, но ведь дышать совершенно

невозможно. Господи, да что ж она так расклеилась-то? Того и гляди «Караул!» начнет кричать, в двери к соседям стучаться. То-то тетя Ира обрадуется. То-то ей будет, что с товарками на лавочке у подъезда обсудить. Ну уж дудки!

Разозлившись на саму себя, на сплетницу-соседку, на Светку, так бестолково напомнившую ей про призраков, на отца, зачем-то умершего так некстати, пока она была на гастролях, Полина решительно встала, выключила свет и вновь легла. Надо же, молодая ведь еще совсем, а нервы ни к черту не годятся. Все шорохи какие-то чудятся, стоны, скрипы, охи-вздохи. Так и впрямь в существование привидений поверить можно. И тогда уже придется обращаться к психиатру.

Повернувшись на бок, устроилась поудобнее, даже не стала укрываться. Не сказать, чтобы ночь была слишком жаркой — как раз нет, всего-то конец мая. Днем оно, может, и достаточно тепло, чтоб обходиться без куртки или жакета, а вот ночью на землю спустилась весьма ощутимая прохлада, и в спальне тоже было не особенно душно. Это еще мягко говоря. Но все же Полина не стала укрываться. Вроде как из принципа: не боюсь никого и ничего. Поплотнее прикрыла глаза, твердо вознамерившись заснуть, и...

И вновь услышала какой-то звук. На сей раз это больше походило на скрежет. Как будто

коварный призрак из вредности проводит остро отточенным когтем по стеклу. Полина не была уверена, что у призраков имеются остро отточенные когти, но сомнения в их существовании почему-то рассеялись в одно мгновение: слишком отчетлив был звук в ночной тишине, слишком реален.

Она сжалась в комок, вновь накрылась одеялом, но уже не с головой — когда отпали последние сомнения в реальности звуков, отгораживаться от опасности таким нелепым, даже детским способом было бы неразумно. Нет, теперь следовало прислушиваться внимательнее, как бы этот страшный привет с того света не стал приближаться непосредственно к кровати, и тогда...

Полина не успела додумать, что же будет тогда, куда ей бежать, кому жаловаться и у кого просить подмоги. Потому что едва прекратился жуткий скрежет, как она услышала, как кто-то таинственный и зловещий снова скребется в дверь. И тут же где-то почти рядом раздалось душераздирающее, низкое, словно бы из широкой бездонной бочки:

— Уууууу... Уу-ух-уууу... Уууух...

Паника сковала все мышцы, тугой петлей сдавила горло, не позволяя закричать от ужаса. Полина пожалела о том, что столь необдуманно

выключила свет. Ах, как здорово было бы, если бы в комнате было светло. Ведь при свете не так страшно, потому что видно, с какой стороны ожидать нападения. А в крошечной темноте, когда сквозь шторы не пробивается не то что уличное освещение — какое там освещение, его здесь отродясь не было! — но и скудное лунное сияние не способно ворваться в комнату, было не просто страшно, а жутко до одури, до потери сознания, почти до рвоты. Но встать с кровати и включить свет не было никаких сил. Все из-за того же страха...

... Всю ночь, практически до самого рассвета, Полина умирала от ужаса. Лишь когда первые, пока еще робкие лучики солнца разбавили плотность ночи, словно бы мазнув по темной шторе кистью, смоченной в слабом растворителе, вместе с тьмой понемногу стал развеиваться и ее страх. Правда, способность мыслить трезво к ней пока еще не вернулась, но все-таки липкий зловещий ужас медленно, нехотя покинул ее. Полина так устала — от недосыпа, от тревог, от дикого первобытного страха, что тут же, лишь различив чуть посветлевшие шторы, упала едва ли не замертво и заснула.

Глава 5

29 мая, понедельник

С утра зарядил противный мелкий дождь. Именно с утра, Полина это точно знала. Потому что ночью она слышала вовсе не стук дождевых капель о жесть подоконника. Не могла она принять обыденный и даже приятный шорох легкомысленного весеннего (или уже можно сказать летнего?) дождика за скрежетание вредного приведения остро отточенными когтями по стеклу, определенно не могла.

Едва проснувшись, она приняла решение. Собственно, приняла-то она его, видимо, еще ночью, вот только из-за дикого, всеобъемлющего ужаса не могла сформулировать даже самой себе. Теперь же, еще не разлепив тяжелых, совсем не отдохнувших век, поняла. Финита. С этой квартирой все понятно и покончено раз и навсегда. Жить здесь она не сможет. Даже несчастных несколько дней. Даже еще хотя бы одну ночь в этом доме она попросту не переживет.

А где ей жить оставшееся время — это уже второй вопрос. Где угодно. Хоть на вокзале. Впрочем, к чему кидаться в крайности. Пусть их Задрюпинск и не Москва, но ведь и не деревня Манзовка. Есть в городе гостиницы, так что ночевать на вокзале не доведется.

Едва подумав о гостиницах, Полина скривилась: веселенькая перспективка. Ей гостиницы на гастролях осточертели до смерти. Столько лет уж мотается из одной в другую. А сколько еще предстоит? Оно-то, конечно, пенсия не за горами — короток профессиональный век артистки балета, но все равно еще не одну гостиницу доведется «осчастливить» своим в ней появлением. Так ведь то хоть гостиницы нормальные, а здесь? Поди, ни воды горячей, ни нормальных удобств — туалет с душем, небось, один на весь коридор, хотя кому нужен душ, если горячей воды в нем отродясь не бывало. Разве что мазохист какой воспользуется. Да и финансовую сторону вопроса тоже не мешало бы учитывать — ей ведь еще предстоит не абы какие расходы на похороны, поминки...

Перспектива поселения в гостинице Полину явно не радовала. Да еще в родном городе, где полно друзей и просто знакомых. Конечно, напрашиваться на постой к кому-нибудь ужасно не хотелось — Полина терпеть не могла чувствовать себя обузой. Но что поделаешь? Жаль, что родственников у них совсем-совсем не осталось, с ними все было бы намного проще.

Причем проще было бы не только решить вопрос с жильем, но и организовать похороны. Однако... Машины родители умерли друг за

другом, когда та только-только замуж вышла, Полинку еще и в генеральный проект не внесла. У отца была только мать. Вернее, дед с отцовской стороны умер вскоре после рождения наследника. А вот бабушку Полина очень хорошо помнила, ведь когда-то они все вчетвером жили в этой самой квартире. Но бабушки не стало на несколько лет раньше Полининой матери, а братьев-сестер никто из них не имел, вот так и оказалось, что из родственников у Полины Градовой до последнего времени оставался только отец. А теперь, вишь, и его не стало...

Нет, все, решено. Пусть это кому-то и не очень понравится, но Полина будет жить у Ольги. И пусть Сашка кривится сколько угодно. В конце концов, Ольга — ее лучшая, самая-самая близкая подруга, к кому же еще идти со своей бедой, как не к ней? Да и квартира у них, если ей верить, немаленькая — года три, как новоселье отпраздновали, Полина в ней еще не была. Неужто не найдется уголка для лучшей подруги?

Она бодро встала — теперь, приняв ответственное решение, даже усталость, кажется, рассосалась. А ведь выспаться как следует так и не удалось — на часах было всего лишь начало десятого. Ей бы еще поспать, да некогда, впереди слишком много дел. Пора, пора.

Умылась, нанесла легкий макияж. «Тяжелый»

Полина вообще терпеть не могла, он ей на работе надоел — сцена ведь не терпит бледности, артисты должны выглядеть так, чтобы даже из последнего ряда любого зрительного зала их лица выглядели четкими и яркими. А потому приходилось накладывать на кожу тонны грима, подводить глаза контрастными, чаще темными, тенями, и приклеивать тяжеленные, какие-то коровьи ресницы, из-под которых в раскрытом виде не видно было бровей. Сегодня же нормальный полноценный макияж был и вовсе неуместен: ей ведь предстоял поход не куда-нибудь, а в морг...

Сначала Полина увидела собаку. Таких псов, пожалуй, не на каждой собачьей выставке встретишь. Красивая гордая псиня морда выглянула в чуть пока еще приоткрывшуюся щель и пробасила:

— Гав! — то ли приветственно, то ли вопросительно: кто, мол, такая, чего здесь забыла?

— Саддам, фу! — осадила пса Ольга, и теперь уже дверь распахнулась широко.

Однако войти Полина пока еще не могла — на пороге стояла огромная псина и нагло обнюхивала ее, уткнувшись большим влажным носом почти в грудь гостьи. Совершенно шикарный трехцветный дог — белый с крупными черными и ярко-рыжими пятнами. Вообще-то Полина любила только

маленьких собак, причем, любовь ее была обратно пропорциональна размеру песика, но тут не смогла сдержать восхищения:

— Ну, красавец! А имечко! В честь Хусейна, что ли?

Ольга, бледненькая, без макияжа, с теряющимся на фоне белого махрового халата отевающим лицом, выглядела сегодня словно бы усталой, с залегшими под глазами голубоватыми тенями. Впрочем, Полина была уверена — по утрам, да без макияжа так выглядят абсолютно все женщины «чуть за тридцать». Подруга искренне обрадовалась гостье:

— Поинка! Входи же! — и, чуть отодвинувшись, освобождая проход, добавила, отвечая на вопрос: — Ну конечно, а еще в честь кого? Сашка прикололся, дурак, а теперь уже привыкла. Даже нравится.

И только потом узрела прислоненный к стене чемодан, еще вчера такой солидный и дорогой, ныне же обшарпанный, с треснувшей и плохо прилегающей крышкой, оставляющей заметную некрасивую щель. Тут же фигурные Ольгины бровки удивленно приподнялись:

— Ты всегда ходишь в гости с чемоданом?

Полина ухватила ношу за высокую ручку, слишком резко, словно бы чемодан в чем-то перед нею сильно провинился. Рывком перетасила через

невысокий порожек и прислонила к стене прихожей.

— Ой, Оль, только не надо на мне упражняться в остроумии, ладно? Не оценю, не в том состоянии.

Разулась на пороге, не смея чапать грязными с дождя кроссовками по светлым пушистым коврам, небрежно бросила на тумбочку почти белую, сливочного оттенка ветровку, и без приглашения прошла в гостиную. Оглянулась, оценивающе выпятила губки, одобрительно покачала головой:

— Дааа... Вижу-вижу, не врала... Молодец, отлично устроилась.

А оценивать было что, это вам не отцовская хрущоба! Гостиная оказалась не привычной, стандартной, в лучшем случае двадцатиметровой квадратной комнатой, а какой-то непонятной геометрии. Вместо четырех стен в ней имелись, как минимум, пять, точнее Полина не смогла бы сказать — один угол был сильно обрезан, и составлял как бы катет несуществующего треугольника. К тому же в одной из стен имелся то ли глубокий эркер, то ли просто комната плавно перетекала в застекленную лоджию, выполняющую функцию зимнего сада. Да и по размерам комната превзошла самые смелые Полинины ожидания — никак не меньше тридцати метров, а то и больше. Полина еще раз окинула взглядом помещение, не

поленилась даже повернуться вокруг своей оси — ой, нет, больше, определенно больше, минимум тридцать пять. Вернее, не минимум, а «хороших тридцать пять». Что такое «хороших» — Полина твердо знала, а если тех же тридцать пять, но «плохих» — это как?

Ничего себе, оказывается, нотариусы живут весьма недурственно. А она-то всегда думала, что нотариусы это так себе, серенькие букашки в синих сатиновых нарукавниках, вечно копошащиеся в бумажках.

— А ты думала! — гордо ответила Ольга. — Не халам-балам, дерьма не держим!

Комната, и без того просторная, выглядела едва ли не воздушной из-за обилия белого цвета. Белые обои, белые потолки. В углах — широкие полосы зеркал сверху донизу, капитально искривляющих пространство, из-за чего Полина и не могла точно посчитать ни количество углов, ни самих стен. Мягкая удобная мебель обтянута белой же кожей. Инкрустированная серебром черная лакированная горка лишь подчеркивала легкость, даже некоторую расплывчатость линий, придавая дополнительный объем и без того просторной комнате.

— Да-аа, — еще раз протянула Полина, выискивая взглядом другие комнаты. — Красиво жить не запретишь!

Всего их, комнат, оказалось три, зато какие! Про гостиную уже было сказано. Спальня и кабинет не уступали в оригинальности, разве что размерами.

Одобрительно покачивая головой, Полина остановилась в центре кабинета. Лаконичный стиль, четкие линии, обилие металла и серого пластика: большой рабочий стол с чуть закругленной с одной стороны столешницей, компьютер, факс — словно филиал офиса на дому. Большой стеллаж, заканчивающийся шкафом, неширокое, но удобное кресло и под стать ему диван, — естественно кожаные, но уже черного цвета.

Полина присела на диван, чуть попрыгала на нем, проверяя на мягкость:

— О, вот тут я и устроюсь, если ты не возражаешь. Идет?

Ольга вновь двинула бровкой. Полина очень хорошо помнила этот ее фокус: Ольга всегда так делала, причем не только от удивления, но и когда хотелось продемонстрировать собеседнику легкую степень презрения. Впрочем, сейчас, она была уверена, та просто удивилась столь странной просьбе подруги.

— Не поняла, — произнесла хозяйка скорее утвердительно, лишь с легким вопросительным налетом. — Тебя что, из дома выгнали?

Гостью грустно хихикнула:

— Ага, выгнали.

— Соседи уже захватили территорию? — спросила Ольга, усаживаясь в кресло. И тут же, словно вспомнив что-то важное, подскочила: — Ой, так а что мы здесь-то? Идем на кухню, я хоть завтрак сооружу. Ты небось даже не завтракала?

— Угу, — кивнула Полина, с искренним сожалением покидая удобный диван. Эх, здорово было бы сейчас вытянуться на нем, полежать чуток. А то и поспать минуток шестьсот-семьсот.

— Какой там завтрак? — продолжила она, вслед за хозяйкой направляясь в кухню. — Не до жиру, быть бы живу. Даже кофе не выпила.

— Что так? — не столько из любопытства, сколько из гостеприимства спросила Ольга. — Appetit вдруг пропал?

— Appetit, аппетит, — словно бы эхом отозвалась Полина и в очередной раз огляделась.

Кухня не разочаровала. Просторная, не столько даже кухня, сколько столовая — хозяйственный блок примостился в углу, все остальное пространство было отделено от него барной стойкой. Овальный стол орехового дерева, изящные, словно бы ажурные стулья, посудный шкаф того же орехового дерева, мраморные полуколонны с обеих сторон от входа (или все-таки «под мрамор»?), плазменный телевизор на стене. Рядом со стойкой мягкий уголок, на сей раз не

кожаный, матерчатый, хотя, казалось бы, на кухне, да еще и рядом с хозяйственным, так сказать, блоком уместнее было бы поставить именно кожаный или хотя бы из удачного кожзаменителя.

И вновь Полина примостилась на диване, и вновь захотелось немедленно вытянуться на нем горизонтально, и чтобы ее долго-долго никто не кантовал. Но нет, нельзя, никто ведь за нее не займется делами, отец ведь уже четвертую неделю лежит в морге, хотя православных положено хоронить на третий день...

Ольга что-то там варганила, негромко погромыхая посудой, а Полина все никак не могла поднять тяжелые веки — ах, как хорошо было вот так сидеть, если бы еще получилось не думать о печальных событиях, приведших ее в город детства, было бы совсем замечательно.

Ольга поставила перед гостьей затейливый мельхиоровый поднос, пододвинула поближе чашку кофе и конфетницу с разносортным печеньем:

— Этого хватит, или лучше покормить по полной программе?

Полина нехотя, с немалым усилием открыла глаза:

— Что? Ой, нет, спасибо, если я сейчас еще нормально поем, я вообще не смогу подняться с этого дивана. Нет, кофе с печенюшкой — это

максимум...

Хотела еще что-то добавить, но веки были слишком тяжелые, глаза слипались, языку все тяжелее было ворочаться. Трехдневный недосып явно давал о себе знать — Полина была квелия, аморфная, куда-то запропастились не только желания, но даже чувства. Не хотелось ничего, даже свежего кофе, назойливо раздражающего своим ароматом какие-то там рецепторы в носу, отвечающие за различение запахов. Только спать, спать, чтобы все кругом оставили ее в покое, чтобы можно было просто позволить себе немедленно поплыть в тумане бессознательности и небытия, раствориться в нем целиком, пусть даже без уверенности, что когда-то молекулам вновь удастся собраться воедино в нужном порядке, сложившись хоть в какое-то подобие Полины Градовой...

— Э, э-э-э, — Ольгин окрик выхватил ее из странного состояния полусна-полубодрствования. — Подруга, кофе прольешь! Ты мне сегодня решительно не нравишься!

— Ты мне тоже сегодня не слишком-то нравишься, — равнодушно ответила Полина, но кофе отхлебнула.

— Ой, не говори, — с готовностью подхватила Ольга. — Для женщины сон — первое дело. А я целую ночь не спала из-за этого красавца!

Она кивнула на Саддама, нагло пристроившего свою красивую морду на ее коленях. Потрепала псину за острое ухо:

— Ишь, насторожился! Про тебя говорю, про тебя! Кто мне сегодня спать не давал?! Кто капризничал целую ночь?!

Пес даже не посмотрел на нее. Но настороженно торчащее ухо выдавало его заинтересованность с головой.

— А что такое? — спросила Полина. Скорее не из любопытства, а из желания хоть ненадолго отсрочить непростой разговор о причине своего здесь появления с поломанным чемоданом.

— Огурцов опять наелся, придурок! Всю ночь спать не давал — дрысня приключилась, а дома мы гадить не умеем, гордые очень! И знает же, поросенок, что от огурцов ему всегда плохо делается, нет же — дай, и всё!!! Паразит бестолковый!

Насильно оторвала от своих колен собачью морду, требовательно взглянула в бесстыжие глаза, равнодушно взирающие на нее:

— Почему ты такой глупый?! Сколько можно говорить: тебе нельзя огурцы — «у них, у бегемотиков, животики болят» — это же про тебя написано, дурень бестолковый!

Ольга ругалась на собаку, но по ее голосу можно было понять, что она ничуть не сердится.

— Оль, вот скажи мне, — вмешалась в воспитательный процесс Полина. — Он у тебя сам холодильник открывает, огурцы достает? Ты-то на хрена его огурцами кормишь, если ему их нельзя?!

— Так попробуй ему не дай, если он чего-то хочет! Вредный, капризный, как сто чертей! Ты же представить себе не можешь, какой он у меня противный. Не собака, а душман какой-то, террорист! Для него слова «нет» не существует, как и понятия «нельзя».

И вдруг, сменив гнев на милость, запричитала:

— Маша моя, Кися, — чмокнула псину в самый нос, не ведая о существовании брезгливости. — Саддамчик у нас огурчики любит, правда, моя радость? Ты мой хороший, бедный мой — животик у мальчика болел, мальчику было плохо...

Округлив глаза, забыв на мгновение о чудовищном недосыпе, Полина удивленно взирала на эту сцену.

— Ну ты даешь, мать! — Наконец высказалась она. — «Кися»!!! Совсем с ума сдурела баба! Нашла кисю. Ладно бы еще маленькую собачонку баловать, но такого теленка! Да нет, какой там теленок, это же самый настоящий жеребенок!

— Много ты понимаешь, — оскорбилась Ольга. — Маша у нас еще маааленький, правда,

заинька?

Как неизбежное зло перетерпел Саддам очередной «чмок» в область носа и с тяжким вздохом вновь бухнул огромную морду на колени хозяйки.

— Да-аа, — протянула Полина. — Оль, тебе ребенка надо. А то ты все материнские чувства на собаку переносишь.

Та промолчала, не отводя влюбленных глаз от собаки.

— Хотя, — после короткой паузы добавила Полина. — Я в этом не уверена. Если ты так с собакой носишься, представляю, как ты своей любовью ребенка замучаешь. Изведешь ведь, испортишь! Нет, Оль, правда. Это ж ненормально.

— А что нормально? — огрызнулась хозяйка. — Из родного дома сбегать?

Полина промолчала. Не ожидала она такого замечания. Уж от кого, но только не от все понимающей, все прощающей Ольги.

Та, кажется, сообразила, что сморозила не просто глупость, а чудовищную бестактность. Накрыла чуть подрагивающую от обиды ли, иль еще от чего руку гостыи своей белой, чуть полноватой ладонью:

— Ой, Полин, прости. Я не то говорю. Просто я за Саддамчика кому хочешь глотку перегрызу. Я его так люблю, так люблю...

Помолчали немножко. Кофе как-то слишком быстро закончился, Полина, кажется, даже не успела его распробовать, а без него сухое печенье в глотку не лезло. Поставила чашку на поднос, несколько раз провернула за ручку на месте. Ольга догадалась:

— Еще кофе? Я, пожалуй, тоже приложусь.

Затеяла привычный ритуал: вставила в кофеварку чистый фильтр, насыпала кофе, из большой бутылки с водой отлила сначала в мерную кружечку, из нее — в агрегат, нажала заветную кнопочку. Через несколько секунд кофеварка недовольно зафыркала: сначала едва-едва, потом все громче — процесс пошел, как говаривал один хорошо известный, но нынче почти уже забытый политик.

Ольга тем временем перемыла чашки, вытерла насухо льняной салфеткой.

— Нет, Оль, правда. Тебе ведь уже лет до хрена, а детей нет. У меня, правда, тоже нет, так ведь я и замужем не успела пока еще побывать, сама знаешь — не берут, сволочи. А у тебя-то Сашка — вон, красавец какой, да еще и не дурак. Представляешь, какие от него должны детки замечательные получиться. Чего тянете? Или он не хочет? Или не получается? Проблемы?

Подруга словно бы не расслышала вопроса, все терла зачем-то чашки. Полина поняла —

напрасно она сует нос. Видать, не так все гладко в датском королевстве, как Ольге хотелось бы продемонстрировать. Красивый муж, шикарная квартира, машина — по-видимому, этого маловато для простого бабьего счастья. Или, может, Полина что-то недопоняла. Немудрено, она ведь по этой части, увы, полный профан...

Кофеварка, наконец, фыркнула в последний раз и притихла. Ольга разлила кофе в чашки, подала на стол опять на подносике, как в лучших домах Лондо на и Парижа, вроде как просто так ставить чашку кофе на стол по ее понятиям было неприлично. Присела бочком на стул, и только после этого подтянула под него ноги.

— Знаешь, — запоздало ответила на прозвучавший минут пять назад вопрос. — Сразу как-то не сложилось, а потом Сашка принес Саддама. Он тогда такой крошечный был, такой смешной... И оказался дико ревнивым. А теперь получается, что нам уже вроде и не до ребенка. Саддамчик не переживет появления соперника. Это и ему во вред пойдет, и ребенку. Поэтому пока у нас Саддам, ни о каком ребенке и речи быть не может.

Полина, слушая столь странное объяснение подруги с выпученными от изумления глазами, возмутилась:

— Ну ни фигя себе! Вы что, совсем

подурели?! Из-за собаки отказываться от детей?!
Оль, ты вообще нормальная? Тебе уже тридцать два, давным-давно не девочка! Это на западе считают, что еще девочка, у них раньше тридцати только бестолковые бабы рожают, не задумывающиеся о карьере. Это не я так считаю, — тут же оговорила она. — Это у них там почему-то так считается. И у них это норма — от тридцати до сорока пяти. У них, а не у нас, понимаешь?! У нас в двадцать пять уже обзывают «старородящей», мне знакомая рассказывала. Представляешь? В двадцать пять — «старородящая»! Придурки какие. А тебе — тридцать два. А как долго у вас будет жить Саддам? Сколько ему сейчас? Сколько собаки вообще живут?

— Четыре, — тихо, словно бы ужасно стесняясь возраста собаки, ответила Ольга. — А вообще... Это от породы зависит. Мелочь собачья и пятнадцать, и восемнадцать может протянуть, а чем крупнее порода, тем короче собачий век. Лет десять, максимум двенадцать, если особо повезет...

Ольга некрасиво хлюпнула носом, в красках представив себе, как она останется без любимого Саддамчика.

— Выходит, еще шесть-восемь лет, — тут же подсчитала Полина. — Получается, в тридцать восемь, в сорок лет ты, наконец, сможешь позволить себе родить ребеночка, чтобы он не

мешал собаке.

Ольга возмутилась:

— Ну ты что?! Разве я смогу так быстро про него забыть?! Как я смогу так сразу переключиться на ребенка?!

— Абсурд, — констатировала гостья. — Дурдом на выезде. Оль, ты вообще понимаешь, что несешь? Из-за собаки отказывать себе в материнстве?!

Наверное, напрасно она так. Кто знает — может, Ольга и сама переживает по этому поводу. Иначе разве отреагировала бы столь бурно на слова подруги? Зачем бы так резво выскакивала из-за стола и убегала черт знает куда в недра необъятной своей квартиры.

Полина уже допила кофе, а хозяйка все еще не возвратилась. Откинувшись поудобнее на мягкую спинку углового диванчика, Полина приготовилась было еще немножко подремать. Саддам тут же, не дожидаясь ни персонального приглашения, ни разрешения, заскочил на диван и пристроился рядышком, сложив на гостью задние лапы. Полине ничего не оставалось делать, как придерживать их, потому что они все время съезжали с ее коленей, и псина возмущенно косила на нее глазом: мол, ну что ж ты за неумеха такая!

Вздремнуть почему-то не получилось. Наверное, тема беседы несколько выбила из колеи

не только Ольгу, но и Полину. А может, ей просто мешал Саддам.

Наглый пес не отреагировал даже на приближающиеся шаги хозяйки. Даже носом не повел, разве что чуть наострил ухо.

Ольга вошла улыбающаяся, как будто не было неприятного разговора. И Полина была ей за это бесконечно благодарна — ну в самом деле, какое право она имела судить подругу.

Можно подумать, у Полины жизнь устроена по всем правилам. А у самой-то, как раз, не только ребенка нет, но даже и собаки. Кошечку — и ту завести не может. У нее дома почему-то одни тараканы заводятся, причем, ее согласия на это никто даже не спрашивает. Стоит только соседке слева потравить своих, как они все дружною толпою перебираются в ближайшую кухню. Вернувшись с гастролей, Полина всегда первым делом принимается за борьбу с этими вредными халяво-квартирантами. Вот так они и бегают, рыжие гадости, из одной квартиры в другую, по всем этажам, по всему дому, и спасения от них ровным счетом никакого, потому что пережили эти твари уже все, что можно было пережить: и всемирный потоп, и ледниковый период, и динозавров, и мамонтов, и сотовые вышки. И людей переживут с их мелкими химическими пакостями.

— Ну так что там у тебя с чемоданом? — спросила Ольга, вновь бочком присаживаясь к столу. — Или это у тебя не чемодан, а кошелек, потому с собой и таскаешь?

Ну вот, — захолонуло Полинино сердечко, — теперь все-таки придется рассказывать про призраков с длинными остро отточенными когтями. Надо же — в московской квартире у нее тараканы сами собою заводятся, а здесь привидения. Интересно, а какой гадостью нужно посыпать углы, чтобы извести *эту* нечисть? Разве их возьмет какой-нибудь «Рейд» или «Глобал»? Господи, и она еще посмела учить жизни Ольгу?!

— Оль, — просительно протянула она. — Как ты смотришь на то, чтобы пустить меня к себе на недельку? Может, меньше — я не знаю, сколько мне тут придется просидеть, сколько времени все это займет. Пустишь?

Нельзя сказать, чтобы Ольгу эта просьба госты поставила в тупик. Не все люди отличаются особым гостеприимством, но в данном случае Полина была абсолютно убеждена — Ольга не возмущена подобной просьбой. Может быть, несколько удивлена, но уж точно не возмущена.

— А что такое? — чуть иронично спросила хозяйка. — Тебя действительно выгнали из дому? Соседи пакостят? Или же тебе просто скучно одной?

— Ну... — замялась Полина. — Давай просто: или да, или нет. Знаешь, я ужасно не люблю чувствовать себя обузой. И если уж я к тебе напрашиваюсь, значит, у меня есть на это веские причины. Так берешь меня, или как?

— Ну... — подражая ей, ответила Ольга, словно бы оценивая ситуацию. — В принципе, не вопрос.

Полина облегченно вздохнула.

— Но... — так же протянула Ольга, словно бы издеваясь, пользуясь возможностью взять реванш за недавнюю сцену. — Зная твои комплексы по поводу обузы, у меня есть встречное предложение. Только давай договоримся — сначала ты мне все рассказываешь, идет?

А вот как раз рассказывать-то Полине совсем не хотелось. Не потому, что подруга ее вряд ли поймет — в данной ситуации ее вообще вряд ли кто-то поймет. И если уж стоило ей в этом городе, да и вообще во всем мире на кого-то рассчитывать, так это на Ольгу. Но рассказывать ей о призраках с остро отточенными когтями, которыми они до утра противно скрежетали по стеклу... Ох, нет, увольте. Полина предпочла бы не делиться ночными впечатлениями ни с Ольгой, ни с кем бы то ни было еще.

— Да нечего рассказывать. Просто мне там ужасно неловко. Понимаешь, Светка Жадобко

вчера сдуру ляпнула, что мне должно быть там страшно — как же, ведь и мать, и отец там умерли, значит, их неприкаянные души остались там. Вот я всю ночь и ворочалась с боку на бок, заснуть не могла. Все пыталась разглядеть их. Так что там, говоришь, с встречным предложением?

Ольга прекрасно поняла ее уловку уйти от уточняющих вопросов.

— Ну, как знаешь, можешь не говорить. Будет желание — с удовольствием выслушаю. Ты же знаешь — я могила. А встречное предложение у меня такое. Ты только не обижайся, хорошо? Я бы тебя приняла с удовольствием, да и места здесь полно, сама видишь. А вот Сашка мой привык, чтоб прийти с работы и никого не видеть, не слышать — ему люди на работе жутко надоедают со своими проблемами.

У Полины сжалось сердце. Не оттого, что ей вновь придется возвращаться в этот жуткий дом с призраками. Обидно стало, что лучшая подруга не желает помочь, когда на нее свалились такие серьезные проблемы. Похоже, она была об Ольге незаслуженно высокого мнения...

— Эй, эй, ты чего? — та уловила скисшее выражение на лице подруги. — Полин, ты же меня еще не выслушала, а уже делаешь такие далеко идущие выводы. Это нечестно! Я же сказала не «Нет», а «Встречное предложение». Тебе не

кажется, что это несколько разные вещи?

Полина оживилась: кажется, она слишком поспешно поставила на лучшей подруге клеймо. Люди, конечно же, с возрастом меняются, но дружба ведь остается дружбой. Она же на всю жизнь, а не только на школьные годы.

— Так вот, ближе к телу, как говорят французы, — продолжила Ольга. — У нас есть совершенно очаровательное гнездышко. Мы сами там жили одно время, пока эту квартиру не купили. У Сашки был дядька-художник, а художникам положено иметь студию. По закону положено. Ему городские власти эту студию выделили, так что там все законно. Правда, студия в полуподвале, но поверь мне — это только называется полуподвал. Отличное местечко, вот увидишь! И вот там ты будешь абсолютно сама. Там и мы с Сашкой тебе не помешаем, и ты нам. Вернее не нам, Сашке. Потому что мне-то ты никогда не помешаешь. Ну как, идет? И живи там, сколько понадобится, она все равно стоит свободная.

— Студия? — удивилась Полина. — Что еще за студия? Ты никогда не говорила... А впрочем...

Хмыкнула радостно:

— А впрочем, это был бы идеальный вариант. Если только это не болото какое-нибудь. Знаешь, Оль, мне так не хотелось навязываться тебе на шею, просто... Ну не могу я там оставаться, поверь.

— Верю, верю, — покладисто закивала Ольга, стаскивая прямо в кухне халат и оставаясь в одном нижнем белье. Правда, в красивом, кружевном. — Вот мы сейчас и поедем. По крайней мере, посмотришь, а решение принимать будешь потом. Если не понравится... Ну, тогда и подумаем. Значит, придется Сашке переморщиться, как-нибудь потерпит недельку. Ну что, едем?

Ольга говорила с такой готовностью, с таким жаром, что Полина заулыбалась. А и правда, очень даже здорово было бы. И пусть полуподвал (если, конечно, там действительно приличное помещение, как говорит Ольга), зато она будет там совершенно одна. И сама никому не будет надоедать, и ей никто не будет навязываться. Просто мечта, а не выход из ситуации.

— Едем!

Ольга развернулась и пошла куда-то вглубь квартиры, не замечая, что халат волочится за нею по полу.

— Я сейчас! — крикнула она. — Только марафет наведу. Иди сюда!

Дважды повторять Полине не было нужды.

— Там и горячая вода, — продолжала расхваливать студию Ольга, быстренько разрисовывая бледную физиономию, и буквально на глазах преображаясь. — Там даже телефон есть. Все условия. Живи и радуйся! Поверь на слово —

не подвал, а просто шикарная квартира. Только спускаться нужно, когда в подъездходишь, а не подниматься, вот тебе и вся разница. Зато никаких тебе соседей — сама, только сама! Подвал, правда, рядом, но он за закрытой дверью, так что тебе ничем не мешает. И бомжей всяческих можешь не опасаться — ключи от подвала только у жэковского слесаря. Все чинно-благородно, я б тебе дерьма не предложила.

Замолчала, придирчиво разглядывая отражение в зеркале, словно бы решая, достаточно ли туши нанесла на ресницы, или добавить еще. От темных теней, еще совсем недавно обрамлявших глаза, не осталось и следа: капля тонального крема, несколько пылинок светлой пудры, и словно бы не было никакой бессонной ночи.

— В общем, сама все увидишь, — удовлетворенная результатом, продолжила Ольга. — Сейчас поедем. Я только позвоню. Иди одевайся.

Дважды Полине повторять не пришлось. Пока она обувалась, Ольга успела позвонить мужу:

— Алло. Ты не будешь возражать, если Полинка поживет в студии? Мы уже выезжаем.

Собеседник, видимо, не возражал, потому что Ольга продолжила почти без паузы:

— В одиннадцать? Поняла. Думаю, успею. Что? Хорошо: точно успею. Я сказала: успею! Да,

конечно. А ты? Поняла. Одиннадцать ноль-ноль. Позвонишь потом, только обязательно, а не как в прошлый раз!

— Ну вот и все, — улыбнулась она, появившись в прихожей. — Поехали.

Полина накинула ветровку, ухватила надоевший до смерти раненный чемодан. Ольга сунула ноги в серые туфли на высоком прямом каблуке, схватила с тумбы серую же, в тон туфлям, сумочку, ключи и, не оглядываясь, позвала: — Ну, тебе особое приглашение нужно? Поехали!

Саддам в два прыжка оказался рядом с нею.

— Ты что, и его берешь? — удивилась Полина. — Зачем?

Ольга глянула на нее, как на бесконечно глупую куклу:

— Ну ты что, ему же плохо одному! Он же маленький!

Ольга уверенно вела машину. Бычок Саддам развалился на заднем сиденье, время от времени лениво поглядывая в окно. Полина сидела рядом с Ольгой, и восхищалась. Ну и кто, скажите, поверит, что еще полчаса назад дверь ей открыло бесцветное полупривидение, а не эта шикарная блондинка?

Теперь даже и не верилось, что когда-то в детстве Ольга была довольно полной и безмерно страдала от несовершенства фигуры. Великолепная

толстая коса, мечта любой девицы, лишь придавала ее лицу лишней округлости. Конечно, это был всего лишь оптический обман, ведь сама по себе коса никак не могла добавлять объема Ольгиным щекам. И тем не менее визуально очень даже добавляла.

Девчонкой она была ужасно закомплексованной, и зачастую даже сама не могла разобраться в своих чувствах. Вот, скажем, взять ее шикарные волосы. Полина прекрасно помнила, как едва ли не каждый день Ольга изводила ее вопросом:

— Ну так что мне делать с этой косой, а? Резать или нет?

Ольгу коса раздражала. Даже нет — страшно раздражала, так будет правильнее. И тем, что не может сделать модную прическу, что-нибудь эдакое, типа «Каскада»; и тем, что мыть и сушить волосы замучаешься, ведь на эту нехитрую для любого нормального человека процедуру у нее уходило обычно все воскресенье. Но самым страшным для Ольги было причесывание. Как бы ни пыталась, как бы ни старалась потуже заплести косу на ночь, но то ли спала беспокойно, то ли просто закон подлости срабатывал, или еще кто-то там из преисподней каждую ночь вылезал и специально старательно переплетал все волосинки друг с другом. Так или иначе к утру волосы оказывались страшно запутанными, и из-за этого

приходилось вставать на целых полчаса раньше, чтобы не опоздать в школу.

Но самым ужасным во всей этой волосяной истории было расчесывание после купания. Это была самая настоящая пытка. Мама безжалостно выдирала каждую волосинку по несколько раз. Вернее, это Ольге так казалось, что мать специально выдирает ей все волосы, чтоб помучить. На самом деле Галина Степановна, конечно же, лишь старалась насколько возможно облегчить дочерние страдания, расчесывала аккуратно, плавно. Но именно от этой ее бережности и страдала Ольга, ведь вместо того, чтобы один раз как следует провести гребенкой, Галина Степановна аккуратно скребла на одном месте, сдвигаясь по миллиметру ближе к корням, и потому у дочери создавалось стойкое ощущение, что каждую волосинку мать буквально выдергивает насмерть, вместе с корнем, да еще и не по одному разу.

В такие минуты она клялась самой себе, что вот буквально завтра же после школы пойдет в парикмахерскую и обрежет волосы под корень. Нет, не после — вместо школы. Потому что нет больше сил терпеть эту муку, эту пытку. Матери, правда, свои планы не озвучивала — Галина Степановна уж очень не одобряла подобных дочкиных намерений, а расстраивать маму Ольга не привыкла. Но на идее

обрезать волосы совсем-совсем коротко зациклилась прочно.

Однако воплотить мечты в жизнь оказалось не так-то просто. Каждый раз, приняв решение и уже удобно устроившись в кресле, мысленно распрощавшись с надоевшей до ужаса косой, Ольга непременно слышала искренний «Ох» парикмахерши:

— Как, такую красоту — и стричь? Да как же можно?!

И тогда ей самой становилось до слез жалко расставаться с волосами. В самом деле — растила, растила, столько выстрадала из-за них, столько перетерпела. И что же, выходит, напрасными были ее страдания? Ни за что!

Так до окончания школы и не рискнула. Даже когда Полина приезжала на их с Сашкой свадьбу, Ольга все еще носила косу. И лишь теперь впервые увидела подругу со стрижкой.

Вынуждена была признать — стрижка Ольге шла куда больше. Да и вообще подруга сильно изменилась с тех пор. Каким-то расчудесным образом прилично похудела. Ей все еще было далеко до балетных стандартов, но остаточная полнота ничуть ее не портила, а лишь придавала шарму, выгодно отличая от обилия модных нынче субтильных, почти бестелесных девиц.

Полина и сама была такой, «модной». На

собственном опыте знала, что вся эта subtilность не прибавляет и капли женского счастья. Да, худенькая, стройная, высокая. И что? Где оно, простое бабье счастье? Где заблудилось? Имеет ли смысл продолжать его поиски, или следует честно признаться самой себе: поезд ушел, дорогая, расслабься, и попытайся получить от жизни хоть какое-то удовольствие.

Рядом с Ольгой Полина определенно чувствовала себя бедной родственницей. И не в машине дело, и не в квартире. Хотя как раз от такой квартирки она бы очень даже не отказалась. С ее-то московской стандартной клетушкой Ольгины хоромы даже сравнивать было незтично. Но нет, не в машине, не в квартире дело. А в самой Ольге. Вот какая-то она стала, вся такая... Какая? Шикарная? Да, и шикарная в том числе, но это не совсем верное определение. Ведь и Полина одевалась совсем не хуже Ольги, давно уже забыла, когда в последний раз шмотки в России покупала. И со вкусом вроде все в порядке, и с фигурой, и с осанкой. Но вот быть такой, как Ольга, она не умела.

Взять, к примеру, украшения. Полина всегда отдавала предпочтение маленьким колечкам, маленьким сережкам. Разве что подвеску иной раз могла себе позволить более-менее заметную. А от Ольгиных украшений глаз отвести не могла: на

маленькой Ольгиной головке с короткой стильной, как будто выщипанной стрижкой очень крупные розовые серьги выглядели вызывающими. И тем не менее так притягивали взгляд, что казались не нелепо-огромными, какими и были на самом деле, а чрезвычайно милыми и стильными штучками. До такой степени, что Полине едва ли не до обморока захотелось иметь такие же.

— Ох, Оль, как ты изменилась. Я ведь тебя совсем другой помню. Ты такая всегда тихая была, скромная, на пацанов даже глаза поднять боялась. Помнишь? А сейчас? Смотрю и люблюсь. Волосы, конечно, жалко — ты же знаешь, я всю жизнь завидовала твоей косе. Но если честно и откровенно, то со стрижкой тебе в тысячу раз лучше. Честно.

Ольга не ответила, только удовлетворенно качнула головой, как бы встряхивая волосы, да только трясти, откровенно говоря, особо было нечем. Зато серьги весело взметнулись в ответ на ее движение, согласно закивали: да-да, мол, действительно без косы-то оно лучше. Еще бы — под косой разве можно было бы разглядеть эту красоту!

— И вообще такая стала... — запнулась Полина, не зная, как определить одним словом метаморфозу, произошедшую с лучшей подругой. — Что-то такое в тебе появилось, чего

отродясь не было. Вот даже на свадьбе ты другая была. Совсем-совсем другая! Не скажу, что плохо выглядела — вовсе нет. Но сейчас!..

Полина вновь замолчала, любуясь подругой. Та на нее даже не взглянула, но было заметно, что подобные речи откровенно ласкали ее слух. Уголки губ чуть заметно приподнялись. Даже уголки глаз последовали их примеру. Вот правда — Полине показалось, что даже Ольгины глаза улыбаются от удовольствия.

— Знаешь, что-то такое в тебе появилось... Наверное, именно это и есть шарм. Вот определить его никак нельзя. Нельзя же сказать: хочешь быть женщиной с шармом — оденься в то-то, сделай такую-то прическу, сумочку носи только такую — и все, это и будет твой шарм. Ничего подобного, шарм — он или есть, или его нету. А если есть, то у каждой счастливой обладательницы свой. Ты со мной согласна?

— Ну, в общем-то да, — согласилась Ольга, не отрывая взгляда от дороги.

— Вот и я говорю. Смотрю на тебя, и поражаюсь. Я бы, например, никогда в жизни такие серьги не надела! И не потому, что они мне не нравятся — красивые штучки. Но я такие вещи носить совершенно не умею. Я бы в них выглядела вульгарно и даже пошло, а ты...

Ольга довольно усмехнулась, но ничего не

ответила. Наверное, ей приятнее было слушать комплименты, чем отвечать на них. Тем более что ответить тем же, не покрывив душой, она, пожалуй, не могла: Полина сегодня действительно выглядела не лучшим образом. Осунувшаяся, бледная, с глубокими тенями под и без того чуть запавшими глазами, в обычных джинсах, в скромном синем свитерке из английского кашемира, в светлой спортивной ветровке.

— Нет, Оль, правда, — Полина продолжала поливать сердце подруги медовыми речами. — Ну кто бы мог подумать, что такие крупные камни будут совершенно шикарно смотреться в серьгах? И, кстати, такие камни интересные. Тебе даже цвет идет, даже форма!

Камни и впрямь были необычными. Прежде всего своей формой. Крупные, четырехугольные, но вовсе не прямоугольниками, не ромбами, или еще чем бы то ни было. Если это и было похоже на какую-либо геометрическую фигуру, то, скорее, на пьяный параллелепипед, разъезжающийся гранями в разные стороны. Но и это не все, потому что камни не были плоскими. И получалось, что на параллелепипед, пусть с существенной натяжкой, но все же походило лишь основание камней, взятое в серебряную оправу, а если смотреть сверху, то есть прямо, то они, камни, были похожи на усеченную, опять же неправильную пирамиду. К

тому же все до единой грани были мягкие, сглаженные, и каким-то замысловатым образом словно бы перетекали друг в друга. В общем, смело можно сказать — шедевр ювелирного мастерства.

Цветовая гамма камней не уступала их сложной форме. Матовые, насыщенно-розового цвета, с беспорядочными темно-серыми вкраплениями: какие-то точки, черточки, закорючки... И ведь Ольга не ограничилась серьгами. На груди, поверх светло-розовой блузки с воротником-стойкой, строгой и как будто даже монашеской, на увесистой серебряной цепи болтался еще больший камень, размером, пожалуй, ненамного уступающий куриному яйцу, разве что более плоский, словно бы приплюснутый, но в общем и целом повторяющий форму серег. Что характерно — и формой, и цветом камень был абсолютно идентичен серьгам.

Весь этот ювелирный гарнитур мог назваться одним емким словом: «Слишком». Слишком большой, слишком яркий, слишком вызывающий. Может быть, даже слишком нелепый сам по себе. Но на Ольге он каким-то чудесным образом смотрелся восхитительно, а потому комплиментами Полина одаривала подругу абсолютно заслуженно.

— Да, Оль, — восхищенно протянула она. — Такие вещи надо уметь носить, это не каждому дано.

Ольге наконец-то надоело самодовольно улыбаться, и она вступила в диалог:

— Мама тоже сначала чуть в обморок не упала, когда увидела. Сними, говорит, эти кирпичи, и не позорься. А мне они так нравятся! Знаешь, бывает, человек увидит что-то, и понимает, что это его вещь. Вот и я, как увидела этот гарнитур, так и пропала. Ну, думаю, мне без него никак. Хотя, если честно...

Она ненадолго притихла, полностью сосредоточившись на обгоне безобразно ржавого Москвича, у которого, казалось, вот-вот отвалится днище. Без особого напряжения оставив представителя отечественного машиностроения позади, Ольга продолжила:

— Если честно, то в магазине этот наборчик смотрелся убого и даже жутковато. Ты права — слишком крупные камни, просто неприличные. Но руки как будто сами к ним потянулись. Слава Богу, рискнула. Я теперь без него редко когда из дому выхожу. Жаль, не под всё подходит — сама видишь, розовый, поди-ка его надеть под зеленую, скажем, блузку. Или под голубое. Но я последнее время стараюсь одежду покупать с учетом камней, в серо-розовой гамме. Ты ж знаешь, розовый — это вообще мой цвет, так что особых неудобств не испытываю.

— Ну да, — эхом отозвалась Полина. — Я

помню, ты всегда любила розовое.

Ольга усмехнулась:

— Вот-вот. А теперь, с этими камнями, и вовсе с ума сошла. Это родонит. Слышала о таком? Его еще орлец называют. Вообще-то он совсем не дорогой. Можно сказать, второй малахит. Просто поделочный камень. Считается полудрагоценным, но мне так кажется, что скорее «полу», чем «драгоценный». Единственное, что действительно ценно — это окрас. Обычно вкрапления бывают рыжего, темно-коричневого, а то и вовсе черного цвета. А вот серые — это большая редкость.

Она задорно рассмеялась.

— Хоть какой-то эксклюзив! Вообще-то нормальные люди из этого камня всяческие сувениры покупают: чернильные приборы там, пепельницы, фигурки разные. А я — серьги! С кулоном...

— Но ведь красиво! — отозвалась Полина. — Только знаешь, сюда еще кольцо просится. Можно бы еще и браслет. Ой, нет, если из таких крупных камней соорудить браслет, это, наверное, все-таки будет чересчур. Да и рукой ни фига не двинешь с такой-то тяжестью! А вот колечко...

— Да, хорошо бы колечко, — грустно вздохнула Ольга. Но тут же улыбнулась, вновь потрянула не столько головой, сколько серьгами: — Факир был пьян, и фокус не удался! Придется

довольствоваться серьгами и кулоном. Так что, говоришь, привидения завелись?

Пусть не очень ловко, но разговор таки был переведен в опасное русло. Полина прекрасно понимала, что рано или поздно эту тему все равно доведется поднять. Но... все надеялась, что вдруг обойдется. Так не хотелось в глазах подруги выглядеть полной дурочкой, верящей во всякую потустороннюю чушь.

Однако в очередной раз не ответить на заданный вопрос было бы попросту невежливо. Тем более Ольга так озаботилась ее проблемами, предоставила студию (хм, в подвале Полине жить до сих пор не доводилось!), теперь вот везет через полгорода, а ведь у самой свои проблемы, свои дела, в одиннадцать надо быть где-то. Нет, нельзя быть такой неблагодарной скотиной.

— Завелись, Оль, — вздохнула она. — Еще как завелись. Всю ночь не спала. И скрипели, и стучали, охали-ахали, вздыхали. Ты не представляешь, как я перепугалась! Только не смейся, ладно? Я и сама никогда не верила в эту чушь, а теперь вот... Видимо, и в самом деле что-то такое существует. Наверное, отец недоволен, что я так припозднилась, что никак похоронить его не могу. Но я ж не виновата, я ж на гастролях... Только не смейся, ладно? И Сашке не рассказывай.

Ольга слегка усмехнулась, но ответила

серьезно:

— Не скажу, не бойся. Вообще-то если честно, я и сама думала — как ты там жить будешь. Нормальному человеку хватило бы смерти матери — так, как она умерла... А уж теперь-то, после отца...

И вдруг не сдержалась, хохотнула задорно:

— Охали-ахали, говоришь? Вздыхали? Ну-ну.

Полина обиделась:

— Ну я же просила. Я и так себя последней идиоткой чувствую, и ты еще...

— Ладно-ладно, — словно бы извиняясь, ответила Ольга. — Не буду. Заметано. И Сашке не скажу. Живи, сколько понадобится.

По ветровому стеклу белой Тойоты-Карола в художественном беспорядке расплзались в разные стороны тоненькие струйки, потревоженные беспокойными «дворниками». Дождь решительно не собирался заканчиваться.

Глава 6

Дом был старый, трехэтажный и длинный, как сарай. Если описать его одним словом и достаточно мягко — неказистый. Если же отбросить ложную скромность и высказаться откровенно, на ум приходили совсем другие выражения. Потому что дом был откровенно страшенький. Не хотелось бы

Полине в таком жить, совсем бы не хотелось.

Глядя на это нелепое строение, некогда выкрашенное в желтый с белым цвета, а ныне выглядевшее грязно-серым, облупившимся, она холодела от ужаса: вот тебе и «студия», вот тебе и «замечательное местечко». Дом и без того выглядел жутко, а ведь ей предстояло жить *в подвале* этого дома!

Ольга, казалось, даже не заметила, как сникла подруга. Лихо подрулила к единственному подъезду, у которого в этот час не было ни души, припарковалась так, чтоб удобно было выезжать, и, не колеблясь ни мгновения, вышла из машины, прикрывшись от дождя сумочкой.

Как ни была угнетена Полина, а от нее не укрылся быстрый Ольгин взгляд на часы. Ах, да, она спешит на какую-то встречу. Нечего рассиживаться — у самой дел по горло, ее ведь отец в морге дожидается уж три с лишним недели. И Полина последовала примеру подруги.

Едва войдя в подъезд, она застыла — затхлый воздух перехватил дыхание, сжал спазмом горло. Ну нет, жить в такой дыре она не сможет. Неужели Ольга сама этого не понимает? Зачем предлагать такое? Только для того, чтобы не бросить подругу на улице? Уж лучше бы открытым текстом отказала, и не выдумывала никаких «встречных предложений». Хорошенькое предложенье — в

подвале жить, как бомжихе.

Ольга недовольно оглянулась:

— Ну, ты чего там колом торчишь? Идешь или как?

— Ой, нет, Оль, — простонала Полина. — Я не хочу тут жить. Ну не любит твой Сашка посторонних — и черт с ним, я как-нибудь в гостинице перекантуюсь...

— Еще чего? — возмутилась Ольга. — Ты хоть представляешь, какие у нас тут гостиницы?! Шагай давай, у меня времени в обрез!

Ухватила упирающуюся подругу за руку и подтолкнула к лестнице, приговаривая на ходу:

— Я ж тебе не в подъезде жить предлагаю! Шагай, сейчас обалдеешь, гарантирую.

Лестница была короткая, всего-то восемь ступенек, и упиралась практически в стену. Резко повернув налево, подруги оказались перед обшарпанной металлической дверью, не имеющей даже ручки. Жестом фокусника Ольга воткнула в едва заметную в темноте замочную скважину массивный цилиндрический ключ с поперечными впадинками — Полина даже не успела удивиться, откуда он взялся, ведь буквально мгновение назад в Ольгиных руках ничего, кажется, и не было, если не считать Садама, крепко удерживаемого за стильный ошейник, да дамской сумочки на плече, покрытой каплями дождя, будто бисером.

Дверь без скрипа распахнулась, и подружки оказались в маленьком «предбаннике». Из зарешеченного плафона под низким потолком скудно лился почему-то красный свет. Две двери: решетчатая, сквозь которую был виден длинный узкий коридор, вдоль которого по обеим стенам тянулись толстые грязные трубы, и сплошная металлическая, такая же обшарпанная, как и та, через которую они попали на эту площадку. Садам заскулил, потеснее прижавшись к ногам хозяйки.

— Не бойся, дурачок, — успокоила его Ольга, и открыла вторую дверь.

Полина зажмурилась, опасаясь увидеть мрачное подземелье, ворох какого-нибудь зловонного тряпья на полу, обозначающий спальное место, низкие трубы с постоянно стекающей по ним ржавой водой...

Первым делом она услышала легкий щелчок выключателя, и пространство перед нею осветилось.

По глубокому Полининому убеждению *это* никак не могло быть студией. Даже в кавычках. Потому что художественная мастерская прежде всего предполагает обилие естественного освещения. Здесь же присутствовало только искусственное. Как уж там Сашкин дядька умудрялся рисовать — вопрос, конечно, интересный, но Полине глубоко безразличный:

тема рисования в данный момент волновала ее меньше всего на свете.

Потому что самое главное в эту минуту было то, что жить она в этой студии явно сможет! Едва за нею закрылась страшная дверь (кстати, изнутри вовсе и не страшная, очень даже приличная, обитая бежевым дерматином), Полина обнаружила себя стоящей в просторной комнате с пусть не новой, пусть не очень модной, но вполне добротной удобной мебелью, пестрым толстым ковром на полу, драпированными тканью стенами.

И, пожалуй, едва ли не самое важное — она не ощутила никаких неприятных запахов. Даже странно — ведь окна были совсем-совсем крошечные, под самым потолком, да и закрыты они были плотно. В виде дополнительной защиты их снаружи прикрывали статичные металлические жалюзи, не позволяющие любопытным взглядам проникнуть внутрь. Видимо, в студии имелась какая-то скрытая система вентиляции. Уточнять этот вопрос она не стала — какая, в сущности, разница, главное, что в этом помещении можно свободно дышать. А вот Ольга спешила, и задерживать ее Полина, наверно, не имела морального права.

Саддам рвался из Ольгиных рук, но она цепко держала его за ошейник:

— Стой! Эти диваны не для тебя, балда! Мы с

тобой сейчас поедem на машинке.

Пристраивая чемодан у стены, рядом с вешалкой, Полина полюбопытствовала:

— А зачем ты его вообще из машины забирала? Пусть бы там подождал, чего его по дождю тягать — вон лапы теперь какие грязнющие.

— Вытру. Подумаешь — большое дело, — равнодушно ответила Ольга. — Разве его одного можно там оставить? Он мне все сиденья в пух и прах раздерет — не привык один оставаться.

В очередной раз посмотрела на часы, покачала головой:

— О-ля-ля! А время-то, время! Короче, подруга, ты устраивайся, а я полетела.

Она уже приоткрыла дверь, когда Полина окликнула ее:

— Постой! Может, ты и меня бы с собой захватила? Ты не в сторону Калининской, случайно? Мне ж тоже рассиживаться некогда, мне ж в морг...

— Нет, подруга, нам не по пути, — решительно перебила Ольга и добавила с грустной усмешкой: — В морг мне пока еще рановато. Меня могут ждать, пожалуй, где угодно, но только не там. Ты вообще не спеши, осмотрись тут. Отец от тебя теперь не убежит, не бойся. А тебе устраиваться нужно. Я тут сто лет не была, не знаю даже, что тут есть, чего нету. Ты сама прошвырнись

по тумбочкам, проверь. Может, купить чего надо? Составь список, а я потом заеду и все решим, о'кей? Ну, белье там постельное, еще чего. Поосмотрись, пооглядывайся. Не стесняйся, заглядывай во все ящики. А я потом, хорошо?

Полина улыбнулась:

— Хорошо, езжай. Уже время вон, без двадцати. Успеешь?

Ольга шагнула на площадку и оказалась залита зловещим красным светом. В очередной раз глянула на часы, недовольно качнула головой:

— Успею, куда я денусь! — и захлопнула за собою дверь.

Оставшись одна, Полина неспешно осмотрела свои новые владения. Комната оказалась одна, зато достаточно просторная, Г-образная. В большей ее части располагалась как бы гостиная, меньшая была отведена под спальню. Широкая кровать со стеганным атласным покрывалом, ничуть не пыльным. И вообще никакой затхлости и запущенности Полина не обнаружила — видимо, студией периодически пользовались, иначе здесь уже был бы толстенный слой пыли. Никакая вентиляция, сколь бы хитрой и секретной она ни оказалась, не позволила бы избавиться от застоявшегося запаха.

Полное отсутствие прихожей вызывало несколько непривычное впечатление. Даже

маломальского коридорчика, символизирующего переход от входной двери к «парадным покоем», и того не имелось: прямо от порога — гостиная, только слева от входа располагался узенький отвод. То есть коридор был, но вел он в кухню и совмещенный санузел, а гостиная вся, как на ладони, открывалась взору вошедшего.

Первым делом Полина осмотрела бельевой шкафчик около кровати. К счастью, чистый комплект белья имелся, и она со спокойной совестью принялась распаковывать вещи. Вытряхнув содержимое на диван, поставила несчастный чемодан рядом с сервантом. Нужно будет подыскать ему более подходящее место, а пока пусть тут постоит. Чемодан, казалось, с каждым переездом чувствовал себя все хуже: если раньше он хоть неплотно, но все же закрывался, то теперь так и стоял с открытой крышкой, сияя шелковистой темно-зеленой подкладкой. Ну и стой — разозлилась Полина, чуть пнув его ногой в сердцах, в очередной раз помянув недобрым словом вчерашнего Шумахера, едва не угробившего ее во цвете лет.

Не закончив разбираться с вещами, прошла на кухню: Ольга права, надо бы знать, что тут есть, а что необходимо срочно докупить или захватить из родительского дома. Одно дело — продукты, это да, это надо покупать, не сможет же она питаться в

ресторанах. А вот, скажем, посуда? Покупать ее на неделю-другую неоправданно, не повезет же она ее потом в Москву. Расточительство Полине было чуждо, а потому, если здесь не найдется самого необходимого, вопреки желанию доведется возвращаться в ненавистный отчий дом. В дом с привидениями...

К счастью, посуда в наличии имелась. К несказанному удовольствию Полина обнаружила и пару маленьких кастрюль, и тарелки на все случаи жизни. Правда, тарелки оказались разносортными, ну да ей на это было глубоко начихать: не гостей же ей здесь собралась принимать. Главное, что не доведется возвращаться домой, вон, даже электрочайник имеется.

Продуктовые же запасы состояли из несчастного пакетика Роллтона и четверти бутылки растительного масла, тоже вряд ли уже годного для употребления. В навесной тумбочке обнаружилось еще несколько пакетиков чая и полупустая пачка рафинада. Кто знает, сколько лет все это добро здесь хранилось. Полина решила, что купит все необходимое, включая чай и сахар. А этих свидетелей былой роскоши она аккуратненько задвинула в самый уголок — мало ли, вдруг хозяин объявится, кто-то же здесь периодически появлялся хотя бы для того, чтобы вытирать пыль.

В замочной скважине заворочался ключ.

Полина вздрогнула: ну вот тебе и здарсьте, помянула неизвестного, он тут же на порог. Объясняй теперь, кто она такая и что здесь делает. Или это Сашка?

Мысли не заняли много времени — Полина только выглянула из кухни, и тут же увидела на пороге растерянную Ольгу. Не успела ничего спросить, как та волоком подтащила к ней Садама, сунула ошейник в руки:

— Закрой его на кухне, а то верещать начнет. Только одного не оставляй! Перебьет-переломает все что можно.

— Оль, так ты ж опаздываешь!

— Без тебя знаю! — рыкнула Ольга, удаляясь в комнату. — Я на секунду, спешу страшно. Закрой Садама, пожалуйста, а то у него жутко грязные ноги. И он не должен меня видеть, побудь с ним!

Полине ничего не оставалось, как выполнить просьбу подруги, хотя вообще-то было несколько обидно. Могла бы и объяснить. Впрочем, она ведь действительно опаздывает, ей в одиннадцать нужно где-то быть, а уже...

Она посмотрела на часики, едва заметные на массивном браслете. Ох уж эти дизайнеры, заставить бы их самих пользоваться такими часами. На длинном узком циферблате не было ни единой отметины — не то что цифры, даже риски хоть какой-нибудь завалященькой, хотя бы нулевой —

ровным счетом ничего, если не считать стрелок и малюсенькой надписи «Tiffany Co». Подарок Макса Журавлева, то ли прощальный, то ли еще не совсем...

Сама бы она такие часы ни за что не купила, и не только из-за умопомрачительной стоимости. Реальной цены этим часам Полина не знала, но догадывалась, что, хоть и «Тиффани», но не те «Тиффани», цена которых особо впечатлительных сшибает с ног. Эти были не золотые, и даже не серебряные, простой корпус из нержавеющей стали, незамысловатый браслет из нее же. Но выглядели они действительно мило. Если бы еще время по ним можно было определять. Вернее, определять-то его можно было, но... весьма и весьма приблизительно. В лучшем случае плюс-минус несколько минут. В худшем и вовсе плюс-минус час, потому что если за минутной стрелкой хоть как-то можно было уследить, прочертив условную линию подлиннее, то с часовой этот фокус не проходил — такой несуразно крошечной она была.

Прямо беда, а не часы. Но даже судя по ним Ольга конкретно опаздывала — с учетом приблизительности было уже минут без десяти, без двенадцати одиннадцать. А ей ведь еще добираться неизвестно куда. Пожалуй, той сейчас действительно не до Полины с ее проблемами, и для обиды причины нет. Не надо ее сейчас дергать.

На Ольгином месте любой человек разнервничался бы.

Саддам послушно присел возле стеклянной двери, и выглядывал: когда же хозяйка позовет его к себе. Полина подивилась спокойствию собаки: с Ольгиных слов поняла, что псина будет рваться за нею, вопить, как маленький избалованный чрезмерной материнской любовью ребенок. Сама же решила времени даром не терять: намочила тряпку, присела на корточки и принялась вытирать стол изнутри.

Пес, совершенно спокойный еще мгновение назад, вдруг подскочил к двери и начал неистово царапать толстое рифленое стекло, оставляя на нем потеки грязи. Его низкий лай был так оглушителен, что Полина всерьез стала опасаться за свои барабанные перепонки. Сквозь рулады возмущенного собачьего лая Полина уловила короткий Ольгин крик:

— Не... а-аа...

И выстрел. Глухой, но сильный, как взрыв. Раньше Полина слышала выстрелы разве что в кино, ведь даже в тире не была ни разу. Этот же звук совершенно не был похож на телевизионные выстрелы, однако она не сомневалась — кто-то стрелял. И не на улице, не в кино — там, за дверью страшно кричала Ольга.

Саддам разрывался, подпрыгивал, бился

огромной мордой в дверное стекло. Пожалуй, не будь оно таким толстым, да еще и с тонкими металлическими прожилками внутри, пес бы пробил его в одно мгновение. Вот только стекло, похоже, как раз и было рассчитано на то, чтобы с ним не справился ни зверь, ни человек.

Собака отчаянно лаяла, выла от бессилия и страха за хозяйку. Полина понимала, что нужно бы открыть дверь и выпустить Садама, но... Сдвинуться с места не могла. Какой-то глупый столбняк сковал все мышцы, и она замерла в жутко неудобной позе, на корточках у стола, с тряпкой в руке. Садам выл, хлопнула входная дверь, а она все сидела и сидела, не смея шевельнуться...

Она не знала, сколько времени прошло. Ей казалось, что она просидела на корточках часа три, а может, и все четыре. Садам обессилел и прекратил лаять, не пытался больше прошибить стекло мощным своим лбом. Улегся под дверью и выл протяжно, тоскливо, вырывая душу из Полины.

Именно от безысходного воя собаки она очнулась, снова ощутила свое тело. Скрюченные ноги затекли, и она села на пол, вытянув их и прислонившись спиной к столу. Надо было встать, но сил не было. Полина с трудом подняла левую руку, посмотрела на часы. Это что же, она так двенадцать часов просидела? Не может быть. Она,

конечно, потеряла ощущение времени, но не до такой же степени. Тогда что же, выходит, она вовсе и не отключалась, и Ольга кричала буквально только что, всего-то минуточку-другую назад?

Осторожно, будто не была уверена в том, что руки-ноги все еще слушаются ее, Полина встала. Саддам повернул к ней голову, взглянул на нее со смертельной тоской и обидой, и вновь уткнулся носом в дверь, завыв еще протяжнее. Только когда она взялась за ручку двери, пес, наконец, нехотя поднялся. Уши прижаты к голове, длинный крючок хвоста болтается между задних лап...

Дрожа всем нутром, Полина шагнула в коридорчик, отделяющий кухню от студии. Саддам же не спешил: то ли ждал особого приглашения, то ли просто боялся увидеть то, что и так уже знал.

Каждый шаг Полина делала с опаской, хотя чего боялась — сама себе не смогла бы объяснить. Мало того, что она сама слышала звук захлопывающейся двери, так ведь и поведение Саддама красноречиво свидетельствовало: чужих здесь уже нет. Впрочем, и своих, по всей видимости, тоже...

Для того чтобы увидеть Ольгу, понадобилось дойти до самого конца коридорчика. Та лежала на спине, раскинув руки, в самом центре того участка студии, который был отведен под гостиную: справа сервант, за спиной диван. Ноги ее, как и руки, тоже

широко раскинулись, из-за чего узкая юбка неприлично задралась до самых бедер. Голова чуть склонена на правый бок, и от маленькой черной дырочки в центре лба к виску протянулась кривая тоненькая, тоже почему-то черная, струйка крови. Густая лужица растеклась под Ольгиным затылком, перепачкав совсем еще недавно светлый ежик волос...

Удивления не было. Не было ни горя, ни отчаяния, ни даже ощущения беды. Только усталость, дикая, непреходящая усталость. Хотелось лечь рядом с Ольгой и, наконец, заснуть. И чтобы не было больше ничего. Ничего и никогда. Чтобы никогда больше никому от нее ничего не было нужно.

Казалось бы — чего проще: дойди до дивана и приляг, вот он, в полутора метрах. Но она отчего-то снова села на пол, на сей раз уже рядом с Ольгой. Смотреть на нее не было никаких сил, и Полина старалась держать взгляд прямо перед собой. Но он вновь и вновь цеплялся за правую Ольгину руку: ощерившийся кривой пастью чемодан словно бы вознамерился вцепиться в нее, неосторожно прикоснувшуюся к нему кончиками пальцев.

Из кухни медленно вышел Саддам, цокая когтями по линолеуму. С опущенной головой, и вообще весь какой-то сжавшийся в комок — по крайней мере, Полине показалось, что он пытается

вжаться в пол, стать менее заметным. Пес подошел к бездыханной хозяйке и прилег рядом, положив обиженную морду на ее живот. Даже не обнюхал, не лизнул ни лицо ее, ни руки: просто положил морду и вздохнул с таким надрывом, что Полина тут же, на этом самом месте, захотела умереть, лишь бы не видеть больше несчастных собачьих глаз...

Она знала, что нужно кого-то звать, звонить в полицию. Но ее сковала апатия — не хотелось ничего и никого, только сидеть вот так, тупо глядя впереди себя, стараясь не замечать коварных поползновений чемодана ухватить несчастную жертву за неестественно белую руку с идеальным маникюром, посверкивающим бледно-розовым, в тон блузке, лаком. Раз уж нельзя спать, то хотя бы просто сидеть, сидеть, сидеть...

Полине казалось, что она ни о чем не думает, но какие-то обрывки не то видений, не то воспоминаний пролетали в сознании практически незамеченными. Постепенно из них начал вырисовываться образ, и мысли обрекли более-менее выраженный характер. Какая-то, видимо, имелась в ней сволочная червоточинка, иначе разве могли у нее родиться такие мысли? Но что-то изнутри упорно повторяло: «Вот он, твой час! Не его ли ты ждала? Теперь он свободен!»

Она гнала этот отвратительный в своей

пошлости внутренний голос не разума, нет — тоски и одиночества неудовлетворенной женщины. Было стыдно, но Полине никак не удавалось заставить его замолчать. И разве могло быть оправданием то, что вот уж восемь лет образ Ольгиного мужа нет-нет, да и вставал перед глазами. Нет-нет, да и возникали черные мысли: за что ей такое счастье обломилось, почему Ольге, почему не Полине? Нельзя сказать, чтоб чувствовала хотя бы легкую в него влюбленность — отнюдь. А вот зависть... Жутко не хотелось признаваться в этом самой себе, и она столько лет давила это чувство, убеждая саму себя, что вовсе не возжелала мужа лучшей подруги, а просто хотела бы влюбиться в похожего на него. Чтоб был такой же красивый, утонченный, аристократичный. Чтобы с полным основанием можно было назвать его своим, а не чужим.

В эту горькую минуту, когда рядом, неестественно раскинувшись, лежала лучшая подруга, когда из-под ее головы растекалось густое липкое пятно, Полина была противна самой себе. Нельзя, нельзя сейчас думать о Сашке. Нужно думать только об Ольге. А еще лучше — совсем ни о чем не думать. Упасть, отключиться, очнуться тогда, когда уже все будет благополучно пережито и забыто. Упасть, отключиться, забыться...

Провалиться в небытие ей не позволил все тот же, надоевший до оскомины, чемодан. Именно он

держал ее в этом мире своей хищной ненасытной мордой, не позволяя впасть в транс. Полина почувствовала непреодолимое желание отнять у него добычу. Встала, обошла Ольгу со стороны головы, стараясь не приближаться слишком близко, не наступить ненароком, не причинить боль подруге, аккуратно перенесла ее бесчувственную руку чуть ближе к бедру. Остановилась, задумалась. Кажется, она что-то должна была сделать. Что вообще делают в таких случаях? Ах, да, полиция. Нужно вызвать полицию.

Телефон. Вроде бы Ольга говорила, что здесь есть телефон. Полина оглянулась в его поисках, но не нашла. Странно, ведь телефоны обычно ставят или в прихожей, или в гостиной, поближе к креслу или дивану. Прихожей в студии не было, а рядом с диваном и креслом телефона не оказалось, как и на журнальном столике.

Пришлось бросить Ольгу одну, и поискать тщательнее. Впрочем, Ольгу надежно охранял Садам.

Телефон она обнаружила в «спальне», на прикроватной тумбочке. Странно, что она не увидела его при первом осмотре владений. Присела на кровать и стала припоминать номер полиции. Полина даже московский номер не знала, а в городе детства тем более. Она ведь никогда в жизни не вызывала полицию. Даже тогда, когда обнаружила

безжизненное мамино тело, свисавшее с потолка, в полицию звонил кто-то другой, наверное, соседи...

— Алло... Тут... Ольгу... Ольгу мою убили. Вы приедете? Адрес? Какой еще адрес? — после долгой паузы, пытаясь припомнить, куда везла ее Ольга, Полина закричала в трубку: — Я не знаю адреса! Она привезла меня сюда на машине, я не знаю адреса! Это где-то в районе Луговой, старый трехэтажный дом. Вы что, не можете отследить по звонку?!

Не смогли. Пришлось Полине выходить на улицу и смотреть адрес на табличке дома: «ул. Жданова, 14». А для того, чтобы открыть дверь, довелось искать ключи у Ольги. А у нее их не оказалось, зато Полина случайно наступила на них во время поисков, они валялись посреди комнаты.

Саддама сдвинуть с места не было никакой возможности: казалось, он прирос к хозяйке насмерть. Полина понятия не имела, как сыщики смогут работать с такой-то собачьей преданностью. Но это ее не слишком волновало. Гораздо больше она переживала из-за того, что Ольга лежала, как очень непорядочная женщина в момент исполнения определенных обязанностей. И юбка задралась до неприличия. Нет, нельзя, чтобы посторонние люди увидели ее в таком виде, надо как минимум поправить юбку. А для этого пришлось сдвинуть ее

холодеющие ноги.

Она могла собою гордиться: к моменту появления полиции Ольга выглядела вполне достойно. А вот про Сашку она почему-то позабыла... Наверное, надо было позвонить ему, но Полина подумала об этом только тогда, когда увидела на пороге студии людей. Их было много, и в форме, и в гражданской одежде. Подумала, и снова благополучно забыла.

Саддам даже не гавкнул, и отходить от хозяйки тоже не собирался. Взирает на чужих людей совершенно равнодушно, словно бы не замечая. Только когда его пытались отогнать от Ольги, предупреждал страшным рыком: «Отстаньте, или я за себя не ручаюсь». Пришлось Полине брать ответственность на себя: ухватила пса за ошейник, заговорила ласково:

— Пойдем, песик, пойдем, Кися. Мы ей уже ничем не поможем...

Собака почему-то ее послушалась: хоть и без особого желания, но Саддам поднялся и позволил увести себя на кухню. А Полина даже не имела сил удивляться: как же так, капризный, как избалованное дитя, пес стал вдруг таким послушным и покладистым. Закрывает дверь, присела на табуретку, и снова как будто ухнула в небытие. Сидела в полной прострации, ни о чем не думая. Саддам прилег в уголочке и тоже «ушел в себя».

Студия наполнилась голосами. Чужие люди ходили в грязной обуви, кто-то отдавал какие-то команды, а до Полины, казалось, никому и дела нет.

Наконец, дверь открылась и перед нею предстал человек в светлых брюках и белой рубашке. Лицом довольно молодой, но существенный жирок придавал ему не только объема, но и лишнего возраста. Полина подивилась: кто же в такую погоду носит светлые брюки? Дождь ведь зарядил с самого утра.

А Саддам даже не повернул головы.

— Майор Селянчиков, уголовный розыск, — представился он.

— Полина Градова, — отозвалась та безжизненным голосом.

Майор присел к столу, выдвинув табуретку подальше, чтоб протиснуть живот, быстро записал ее имя в блокнот.

— Имя жертвы?

— Ольга Бирюкова. Ой, то есть Ресниченко. Через «с». Ольга Афанасьевна. 31 января 1975 года.

Селянчиков удовлетворенно кивнул, подробно записав сведения, после чего требовательно и даже как-то осуждающе уставился на Полину:

— Что произошло?

— Не знаю. Мы с собакой были на кухне, потом собака залаяла и стала кидаться на дверь. Ольга закричала, потом грохнуло, и... Всё.

— Всё? — удивился майор.

— Всё, — уверенно подтвердила Полина.

Дверь снова открылась. На пороге стоял высокий крепыш, смуглый, с короткой стрижкой бобриком. Черные джинсы, черная рубашка с металлическими пуговицами — ничего особенного. Но Полинино сердце почему-то окончательно проснулось. Сама не знала — от радости ли затрепетала вся, или от неприязни. Скорее, все-таки от радости — так приятно оказалось в эту тяжкую минуту увидеть знакомое лицо. Знакомое? Вот так просто: знакомое, и все? Она постаралась унять забившееся с удвоенной скоростью сердечко: да, просто знакомое!

Глаза засияли, губы уже готовы были вытянуться в трубочку, выдохнуть: «Андрюша!», но вдруг уловила суровый твердый взгляд:

— Капитан Жураховский! — щелкнул каблуками, представляясь. Как будто Полина сама не знала.

Так официально? Сердце остановилось. Нет, не остановилось, конечно, просто перешло на нормальный привычный ритм сокращений. Ну что ж, пусть будет официально. Другого тона он и не заслуживает.

— Градова, Полина Анатольевна, — сухо представилась она и демонстративно перевела взгляд на Селянчикова. Подтвердила еще раз: —

Всё.

Вновь прибывший присоединился к честно й компании, без приглашения подсев к столу. Впрочем, из приглашенных здесь была одна только Полина, все остальные — незваные казенные гости. То есть нет, как же, она ведь сама их позвала, сама звонила, даже бегала на улицу смотреть адрес. И какие же они после этого незваные?

— Простите, кофе-чай предложить не могу, — подчеркнуто официально произнесла Полина, вынужденно беря на себя функции хозяйки. Ольга ведь занята, ей пока не до гостей...

Мозг категорически отказывался принять тот факт, что «до гостей» Ольге уже не будет никогда...

Словно не расслышав замечания насчет кофе-чая, Селянчиков предложил:

— Давайте-ка, Полина Анатольевна, еще раз и поподробнее. Что произошло?

А Жураховский промолчал, даже не попытался хоть как-то помочь, ну хотя бы просто перевести разговор в более человеческую тональность. Вроде он ее впервые видит, вроде даже имени такого никогда не слышал: Полина Градова.

— Ну я же сказала, — рассердилась она. — Мы с Саддамом были здесь...

— С кем? — переспросил Жураховский.

— С Саддамом! — с вызовом ответила Полина.

— А Саддам у нас кто? — поинтересовался Селянчиков.

Полина всплеснула руками: да что же они все такие тупые, совсем ничего не понимают. Ну этот, Селянчиков, понятно — мозги жиром заплыли, но Жураховский-то чего тормозит, он же всегда был разумным человеком. Скажем, с желаниями и эмоциями не всегда умел совладать, но в глупости ведь никогда замечен не был.

— Саддам у нас он, — кивнула Полина в сторону собаки, даже не отреагировавшей на собственную кличку.

Жураховский улыбнулся:

— Забавно. Это кто ж так пошутил?

— Явно не я! — огрызнулась Полина. — Я только сегодня его впервые увидела. А ему, между прочим, уже четыре года.

Селянчиков взглянул на нее презрительно:

— Гражданочка, давайте-ка без эмоций. Итак, вы с собакой были здесь. Так?

Полина кивнула:

— Так.

— Где в это время находилась, — Селянчиков замялся, заглянул в блокнот, нашел необходимую информацию и продолжил: — Где в это время находилась гражданка Ресниченко?